



Ю. НЕРСЕСОВ,  
Е. ПРУДНИКОВА, А. ЩЕРБАКОВ

# ПЕСНЯ СКОРПИОНОВ

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Елена Прудникова

**Песня скорпионов**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)

**Прудникова Е. А.**

Песня скорпионов / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ»,  
2026 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-5836-1

Представьте себе страну, где социализм возник без расстрела царской семьи и массового террора, а новая власть не мечтает о мировой революции, не ссорится с Церковью и не отбирает у владельцев кафе и магазинчики. Станут ли соседи относиться лучше к такому государству? Или они всё равно мечтают его расчленить и разграбить? Капитан Небесного флота Воислав Гверо получает уникальную способность, которая, возможно, позволит ему спасти родину от неизбежной гибели. Потомок последнего императора князь Божидар Караджеревич уверен, что ход истории могут изменить хозяйки трех колец, изготовленных в его мастерской. А офицер госбезопасности Будимир Сокол просто выполняет свой долг...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5836-1

© Прудникова Е. А., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

# Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	37
Часть 2	48
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

# Алексей Щербаков, Елена Прудникова, Юрий Нерсесов

## Песня скорпионов

*Авторы благодарят Петра Баранова, Александра Евдокимова, Сергея Краюшкина, Сергея Ласточкина и Игоря Пыхалова за вычитку текста. Олега Баканача, Марину Басманову, Георгия Виноградова, Александра Гинзбурга, Веру Камшу, Глеба Лаврентьева, Константина Линника, Анатолия Матвийчука, Кирилла Метелева, Константина Осипова, Светлану Русакову, Дмитрия Селезнёва и Ивана Сидельникова за консультации. И отдельно игумена Евстафия Жакова за благословление.*



Серия «Новая библиотека приключений и научной фантастики»



© Нерсесов Ю.А., Прудникова Е.А., Щербаков А.Ю., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

## Пролог

*Планета Олимбис. Более 100 тысяч лет назад и позже*

Который день ураганный ливень заливал поросшее густым лесом горное ущелье, зажатое между двумя неприветливыми хребтами. Ни большое жёлтое, ни малое красное солнца не появлялись из-за низких туч. Вместо несущих тепло лучей с небес уже который день низвергались нескончаемые потоки ледяной воды пополам с липким мокрым снегом, иногда вместе с огромными градинами, которые разбили головы двум женщинам и убили одного из детей. Маленькое племя оливково-смуглых волосатых людей сгрудилось в пещере вокруг умирающего костра, подкармливая его последними обрубками деревьев и кусками звериных шкур с остатками жира. Палёная кожа нестерпимо воняла, но для дикарей эта вонь была запахом жизни. Если огонь умрёт совсем, им останется только согреть друг друга теплом своих тел. Надолго ли его хватит?

Когда дождь стал чуть тише, мужчины побежали за топливом. Дубины с вбитыми в толстый конец острыми камнями ещё мало походили на топоры, но люди уже умели валить ими деревья. От сырых стволов проку мало, но если притащить те, что потолще, и расколоть их вдоль, огню понравится сухая сердцевина.

Едва рыжие языки осветили пещеру, как пришёл Гам – очень сильный и такой же глупый. Гам вспомнил, что видел на болоте ель, поваленную и расколотую пополам молнией в прошлую бурю. Гордясь своей мощью, приволок обломок в пещеру, да так в костёр и кинул, носорог тупой! Пламя недовольно зашипело, облизывая мокрую кору, и старый Гнох поспешно умилостивил его двумя половинками чурбака.

А дальше случилось чудо – огонь внезапно зашипел, стал зелёным, сырое бревно запахло резко и остро, совсем не деревом, взлетело в воздух и с грохотом ударилось о потолок пещеры. Гам схватился за торчащий из костра холодный конец, взлетел сам, разжал руки и плюхнулся вниз. Обитатели пещеры в страхе прижались к стенам, волоча за собой детей, и это их всех спасло. Потому что бревно повисело, остыло, да и рухнуло обратно. Задело оно одну лишь глупую голову Гама, которую и не всяким валуном прошибёшь.

Шли века и тысячелетия. Весельчак Грум забавы ради накрыл горячее бревно шкурой быка и взлетел на высоченное дерево. Потом люди научились подниматься к вершинам неприступных скал, где паслись стада непуганых коз и огромные синие четырёхкрылые птицы, ловившие рыбу в горных озёрах, откладывали в гнёзда вкусные яйца. Строили плоты, которые дольше держались в небе благодаря пропитанным чудесной болотной слизью раскалённым пористым камням – с них было безопасно поражать копьями могучих мамонтов. Помещали летучие камни в большие горшки. Прилаживали к плотам паруса, сплетённые из полос коры или сшитые из шкур. Теперь, ловя ветер и поддерживая огонь в горшках, воины могли внезапно напасть даже на далёких соседей.

Иногда взлетевшие в небо люди видели, как выше них на одном и том же месте возникало загадочное разноцветное сияние. Синие четырёхкрылые птицы с мешками под клювом собирались в этом сиянии, вокруг стаи возникал вихрь, и она исчезала. И потом, в таком же сгустке света, но вспыхивавшем в разных местах, опять возникал вихрь, тут же рассыпался – и из него снова появлялись птицы.

Однажды потомки Гама, Гноха и Грума соорудили громадный плот, какого не делали ещё никогда. Они поставили на нём длинный дом, оббив изнутри стены самыми толстыми шкурами, ибо холод на высоте пробирал до костей. Не зная, сколько продлится путь, нагрузили много мяса, дров и больших горшков с раскалёнными камнями. В день радужного сияния дождались прилёта синих птиц, поднялись вместе с ними и исчезли в вихре.

Вокруг стало темно и пусто, трое в панике спрыгнули с плота и растворились в черноте, остальные укрылись в доме и лежали на полу, подвывая от ужаса. Затем снова разноцветные вспышки и дружный вопль, на этот раз восторга: внизу расстилалась зелёная равнина с чистыми голубыми озёрами. Половину неба занимал гигантский серебристо-серый шар, покрытый кое-где более тёмными полосками и завихрениями. Шар окружали широкое кольцо и несколько зелёно-голубых шариков поменьше.

Птицы-проводники полетели вниз. За ними, постепенно остужая горшки замёрзшей за время полёта водой, сели на землю небесные странники. Новый мир оказался богат дичью и рыбой, на его деревьях росли сочные плоды, а болота оказались полны летучей слизью. Но здешние люди, чья кожа была светлее, чем у пришельцев, не знали её тайны. Ни в одном из их племён не нашлось глупого Гама и весёлого Грума.

Прошло ещё несколько тысячелетий. Небесные путешественники построили города на всех мирах системы двух солнц, но затем произошла катастрофа. Их собственная планета Олимбис столкнулась с блуждающим планетоидом, и уцелевшие жители покинули её. Одни переселились на планету Нумация, где жили чернокожие, другие на спутники гигантской планеты, окружённой кольцом. Как и летучую слизь, её называли в честь бога Экзеpra<sup>1</sup>. Объявив большое солнце воплощением бога-Отца, а малое богини-Матери, священники учили, что именно их сын, Экзеpr, в Первое пришествие научил людей добывать огонь, сеять зерно, разводить скот и подниматься в небо. Он же во Втором пришествии дал им Священные заповеди. Наставления, велящие не красть, не лгать и не убивать, бог написал на белом костяном волчке, символизирующем межпланетные вихри. Из одного такого Экзеpr, убитый после Первого пришествия подручными своего младшего брата – злого Тарантоса, спустится с неба в третий раз, чтобы судить людей за их грехи.

Сегодня волчки переносят между планетами уже не деревянные плоты, а стальные небесные корабли с машинами, работающими на угле и нефти. Учёные научились синтезировать экзеprий из атмосферы, прогоняя воздух через особые фильтры и погружая их в кислоту. Не придуманные священниками боги, а наука позволяет людям перемещаться между планетами и даже попадать в иные звёздные системы...

---

<sup>1</sup> Большинство обитаемых планет – спутники газового гиганта диаметром 182 тысячи километров, названного в честь Экзеpra. Вместе с Экзепром вокруг двойной звезды – жёлтой, диаметром 1,24 млрд, и красной, диаметром 0,11 млрд километров, вращаются планеты Нумация (впоследствии Джална) и Олимбис.

# Часть 1

## 3910 год от Второго пришествия Экзепра

### Глава 1

*Народный Союз, республика Вендия<sup>2</sup>, город Тавалога*

– Ладушка, это очень хорошая книга про первых людей в небе, но, наверное, малышам такое читать ещё рано. Они же только в первый класс пошли! – Симпатичная молоденькая учительница в розовом жакете с улыбкой остановила свою лучшую ученицу. – Ты откуда её взяла?

– У Велько! – Серьёзная тоненькая третьеклассница недовольно нахмурила брови. – Я её как раз в первом и прочитала! И почти всё-всё поняла! А потом пошла к папе, и он мне рассказал, что непонятно. И теперь я сама могу рассказать!

– Как тебя зовут? – Сидевший в центре стола мужчина залюбовался маленькой чтицей. Одни глазищи чего стоят, огромные, серо-синие, обрамленные темно-русыми ресницами. Густые белокурые волосы, и сама похожа на старинную фарфоровую статуэтку. Ещё бы ещё локоны вместо косичек да длинное платье взамен скучной бурой формы – настоящая принцесса получится! И текст не отгарабанивала бездумно – говорила с выражением, явно сообщая, о чём речь. Тридцать лет назад, когда он сам открыл эту книгу, в неё заглядывали исключительно мальчишки, девчонки же норовили про любовь. – Твой папа служит в Небесном флоте?

– Ученица третьего класса Лада Доневиц! Мой папа контр-адмирал! – Девочка даже слегка вздёрнула носик – не у каждого такой папа есть! – А Велько старший брат. Он училище закончил и сейчас на войну на Джалну полетел! И Войко с ним, он мне тоже как брат, хотя мама с папой у него другие...

– У нас в основном ребята из флотских семей! – гордо сказала учительница, слегка покраснев. Похоже, проверяющий из министерства образования доволен, но надо показать ему, что Лада не одна такая. И, повернувшись к ученикам, спросила: – У кого из вас папа или старший брат на войну полетел? Поднимите руки!

Подняли почти все. Неудивительно: добрая половина кораблей, отправленных к Джалне, стартовала именно с Тавалоги.

– Тогда к завтрашнему дню напишите им письма, как вы их любите и ждёте с победой!

Малышня с радостным гомоном стала запихивать в портфельчики тетради и пеналы, а член комиссии министерства образования Горан Зленовац обернулся к учительнице, которая уже не раз украдкой кидала в его сторону многообещающие взгляды. Смотрелась она привлекательно, хотя и не настолько, чтобы рисковать семейным уютом и партийным билетом.

– Мне бы хотелось, чтобы Лада проводила меня к своему отцу. Вы отпустите и её тоже?

Вопрос был риторическим и ответа не предполагал. Лавируя в толпе первоклашек, Зленовац следовал за семенящей впереди девочкой, размышляя: как бы ненавязчивей поближе познакомиться с командиром базы? Ведь именно ради этого инструктор идеологического отдела Центрального Комитета правящей в стране Народно-Революционной партии на самом деле и прибыл.

*Небо планеты Джална. Линейный корабль «Заря Свободы» флота Народного Союза*

---

<sup>2</sup> Вторая по численности республика Народного Союза, на которой расположена его столица Светлоградово. Абсолютно преобладающий народ – венды – составляет половину населения Союза.

Война в основном довольно скучное дело. Нет, конечно, в ней есть место и пальбе, и гулянкам с доступными красавицами захваченных или освобождённых городов. Иногда случаются даже торжественные награждения перед строем, когда суровый седой военачальник прикалывает тебе к трепещущей от волнения груди первый орден. Но всё это лишь мгновения между куда менее романтическими занятиями. Бесконечными переходами по пыльным дорогам и рытвём окопов для пехоты. И столь же бесконечными проверками материальной части и боевыми дежурствами для экипажей небесных кораблей. Вроде линкора «Заря Свободы», который вёл эскадру Народного Союза над планетой Джална.

Если Экзепр являлся божеством по праву рождения, то Джална стал им после смерти. Свыше тысячи лет назад волчки из неведомого конца вселенной вынесли его воинственный чернокожий народ к поверхности планеты Нумация. Её племена, кто тоже с чёрной, кто с коричневой кожей, встретили их с восторгом – предания о приходе с небес посланцев богов передавались шаманами из поколения в поколение. Джална подчинил Нумацию, признал своими покорившиеся ему племена, прочих же вытеснил в бесплодные горы и пустыни. Его потомки, назвав новую родину именем вождя, вторглись в соседние миры. Один из младших то ли сыновей, то ли правнуков великого завоевателя – Барбил – даже стал первым королём Орлеании, но поссорился с родичами – и держава рухнула. Осталось лишь предание о втором пришествии Джалны, который на этот раз покорит все обитаемые миры, и царство его станет вечным.

Тысячу лет спустя расклад изменился. После создания Лиги Мирного неба уже её солдаты с ружьями и пушками захватили прибрежные районы главного материка планеты, вывозя оттуда золото, драгоценные камни и чёрных рабов. Недавно ушли и они, а джалнуты снова создали единое государство – Уммахан, постепенно подгребая под себя бывшие владения колонизаторов. Теперь в их руках почти вся Джална, и чернокожие воины всё чаще обращают взор к небесам. Множатся слухи, что уже рождён младенец, в котором воплотилась душа великого завоевателя, и он позовёт собратьев в последний поход.

Двое курсантов-стажёров, которые несли вахту внутри башни среднего калибра, считали мечты джалнутов смешной сказкой, как, впрочем, и историю Экзепра. Дети технического прогресса верили лишь в человека и величие его разума, а самой лучшей из религий считали Устав Небесного флота. Хотя сейчас он не радовал...

Получив приказ бдительно охранять башню от вражеских диверсантов, курсанты с удовольствием повязали бы злодеев, только откуда им взяться? Бронированная дверь заперта изнутри. За ней узкий тамбур со второй дверью и парой часовых в коридоре. Есть ещё элеватор для подачи снарядов, и будь вражина цирковым карликом, возможно, сумел бы просочиться, но задвинута и заслонка элеватора.

– Пострелять хочется... – сонно зевнувший Велемир Доневиц с детства не терпел неизвестности и томительного ожидания.

– Перед выходом половину боекомплекта расстреляли, – нравоучительно напомнил Воислав Гверо, отложив пожелтевшую от старости книжку с мелким шрифтом и огромными таблицами. – А тут снаряды расходовать попусту незачем. Да и что за удовольствие лупить по мишени? Ничего ведь не чувствуешь. Вот если появятся уммаханцы, тогда мы посшибаем их, как твой прадед громил оккупантов, и...

– И все девчонки будут наши...

Велемир не выносил патетики, так же, как и воспоминаний о предках. Сыну контр-адмирала, внуку вице-адмирала и правнуку одного из создателей Небесного флота Народного Союза преподаватели ни малейших поблажек не давали. Недавно скончавшийся дед до последних дней служил инспектором военных училищ и следил за порядком зорко. Потому и спрашивали преподаватели с младшего Доневица вдвое строже, чем с прочих, постоянно шпыняя «бездельника и разгильдяя, позорящего честь семьи». Один-единственный подхалим поставил пятёрку

по ненавистной математике, когда там еле на четвёрку тянуло, так сам едва погон не лишился – дедушка совсем озверел. Войко легче – ему самые нудные предметы не в тягость.

– Непонятно всё же, чего мы здесь забыли? – задумчиво протянул потомок трёх небесных воителей и взмахом ладони остановил открывшего рот приятеля. – Нет, утреннее выступление товарища политвоспитателя я помню. Даже повторить могу! – Зажав пальцами нос, Велемир уныло загундел: – «Доблестный флот Народного Союза летит защищать наших друзей из Народной республики Джамхира от уммаханских фанатиков, за которыми стоят империалистические агрессоры из Лиги мирного неба». – Убрал пальцы и продолжил нормальным голосом: – Но если без трепотни: на кой чёрт нам эта Джамхира сдалась? Зачем мы обязались ей помогать? За красивые глаза президента Ндумо?

– Причин несколько. – Воислав словно отвечал заранее выученный урок, и даже загибал пальцы. – Во-первых, рано или поздно мы в любом случае сцепимся с Лигой. И Уммахан на её стороне нам не совсем не в тему. Зато дружественная страна с нашими базами у границ Уммахана вполне может его притормозить.

Во-вторых, джалнуты не только составляют абсолютное большинство населения Уммахана и Джамхиры, но и свыше трети населения нашей республики Неврида. Крупнейшей, между прочим. Если мы сдаём их братьев по крови и вере в Джамхире, то некоторые невридские чернокожие могут подумать, что Уммахан сильнее Народного Союза. И подумать, не стоит ли перейти к победителям.

В-третьих...

*Народный Союз, республика Вендия, город Тавалоба, база Небесного флота*

Инспекция школы при провинциальной базе небесного флота была лишь предлогом для визита товарища Зленоваца. Основная задача – присмотреться к начальнику базы. Центральный Комитет Народно-Революционной партии готовился утверждать список высших флотских чинов для перевода в Светлоградово – столицу Народного Союза и входящей в него республики Вендия.

Идея принадлежала председателю партии и главе Народного Союза товарищу Хрноевичу. Последнее время между ним и стариками из команды прежнего вождя – Любомира Бортича – пробежала целая стая злобных чёрных котов. Недовольство проявляли и военные. Хрноевич почуял опасность и решил применить к армии то, что раньше сделал с партией – разбавить столичные военные кланы провинциалами. Наказав подбирать вояк попроще, не склонных к интригам и в то же время понимающих, кому они обязаны своим выдвижением. Так попал на свою должность министр обороны генерал Войтех Меткеш и теперь рассматривается кандидатура Доневица.

Если приехать с официальной инспекцией, местное начальство заблаговременно наведёт глянец, а ревизора станет соблазнять охотой да баней с девочками. Зато на скромного проверяющего классных журналов никто особого внимания не обратит, и он увидит всё как есть. Пусть взглядом и не особо компетентным в делах военных, но зато свежим и непредвзятым!

Что ж: внешне на базе порядок, личный состав бодр, интенданты, судя по опасливым взглядам, подворовывают, но умеренно. Однако с товарищем контр-адмиралом следует пообщаться лично, а пока его прелестная дочурка уверенно прокладывает курс к штабу, можно и с ней. Например, узнать: кто такой этот Войко, которого отправили помогать союзной Джамхире вместе с её старшим братом?

– Он сын тёти Даны! – восторженно прошептала Лада, не забывая подскакивать то на одной ноге, то на другой и смотреть, как тени под лучами Отца и Матери послушно повторяют движения своей хозяйки. Увидела на асфальте меловые квадраты с цифрами, встала на одну ногу и запрыгала от ноля к девятке – ну какая же девчонка пройдёт мимо «классиков»! – Они с мамой работали в санчасти вместе, восемь лет назад тётя заболела и умерла, а кто папа Войко, так и не сказала. Он стал жить у нас и считается тоже мой братик. Только фамилию ему свою

оставили – Гверо. Круглый отличник! Мама с папой его всегда в пример Велько ставили. А теперь мне ставят, если чего-то натворю...

Рассказ Лады о семейной жизни прервал громовой голос с плаца. Контр-адмирал Боровой Доневи́ч, в безупречно выглаженном чёрном повседневном мундире и таких же брюках, наблюдал за строевой подготовкой новобранцев. Очень активно наблюдал, проводившего занятия сержанта почти не было слышно.

– Знаю, о чём думаете! – Флотоводец медленно прошёлся вдоль строя, глядя на замерший молодняк строго и вместе с тем слегка снисходительно. – Зачем летунам маршировать? Объясняю первый и последний раз! Во-первых, это приучает к дисциплине! На флоте надо выполнять приказы, не рассуждая, даже если тебе прикажут прыгать, как лягушке, и квакать. Во-вторых: как вы сейчас выглядите? Не видите? Зато я вижу: как штафирки! Спина сутулая, плечи понурены, пузо висит... Смотреть стыдно! А вот когда сержант погоняет как следует, даже ночью в галюн пойдёте: осанка прямая, как орудийный ствол, брюхо к хребту прилипло, сразу ясно – орлы!

Зленовац невольно представил шеренгу пернатых хищников, гордо восседающих над отхожими местами с растопыренными крыльями. Проникся, невольно подобрал собственный живот, который ещё даже и не намечался – да здравствуют пробежки и бассейн! – и подошёл к адмиралу.

– Да вы прямо поэт!

Тот повернулся всем корпусом, засмеялся.

– Поэзия, можно сказать, народная, веками проверенная. Нас в училище точно так же офицер по строевой дрючил. И его дрючили. И того, кто его... Сержант, продолжайте занятия!

Отдав команду, Доневи́ч двинулся к маячившим вдали аккуратным двухэтажным домикам командного состава. Подхватил взвизгнувшую от удовольствия дочь на руки, слегка подбросил и снова поставил на землю.

– Вижу, вы уже познакомились с моей егозой? Я обедать собрался, пойдёте к нам. Столовая на базе приличная, но дома всегда лучше. Радмила так готовит – язык проглотить!

Зленовац охотно согласился. Семейный обед позволял составить о новом знакомом более основательное впечатление, да и проголодался тоже...

По дороге контр-адмирал продолжал посвящать гостя в тонкости службы.

– Строевая подготовка – она едина и у нас, и в армии, а дальше везде своё. Вот начнётся у них лётная практика, так каждому придётся испытать себя под парусами. Спросите: зачем, когда парусники уже почти двести лет как ушли в историю? Чтобы ощутили себя в шкуре поднимавшихся в небо до появления паровых машин. Почувствовали какво в ледяной вышине, в тяжёлой зимней одежде ставить паруса и ловить ветер. Пройдя такое и шагая по городу в белой парадной форме...

– Прямым, как орудийный ствол...

– Именно! – Доневи́ч многозначительно поднял палец. – Наш орёл ощущает себя единой семьёй с другими летунами – и с теми, кто служит сейчас, и с прошлыми поколениями. Он понимает, что делает недоступное для прочих парней, и начинает особо уважать себя. Если же человек себя уважает, у него и служба по-другому идёт. Конечно, когда уважение не в ущерб дисциплине, но дисциплина в него вбивается раньше – в том числе и на строевых занятиях. Вот так-то, товарищ Зленовац!

– Горан, – протянул руку столоничальник. – Давайте без чинов.

– Боровой. – Пожатие военачальника было крепким, но не чрезмерным. – Вы сами-то служили?

– Срочную в химических войсках. Тогда я как-то не особо задумывался о столь тонкой психологии. Зато спустя годы понимаю: когда стоял на посту у склада снарядов с горчичным газом и осознавал, какую территорию они могут превратить в отравленную пустыню с гни-

ющими трупами, тоже испытывал своеобразную гордость... – Чиновник вспомнил, куда они идут, и смутился. – Прошу прощения, не самая лучшая тема перед обедом...

– Ерунда! – отмахнулся флотоводец. – Помню, на практике после первого курса у дежурных по кухне овсянка подгорела – так вышло пострашнее вашей отравы!

За разговором незаметно подошли к домикам. Строили их явно по общему проекту, но одни были выкрашены в разные цвета, а стены других расписали настоящими картинами – от взлетающих кораблей до детишек, играющих под деревьями с собачками и котиками. Необычно для военного объекта, зато как глаз радует!

– Замечательно! – искренне восхитился Горан. – Как же вам удалось выбить деньги на такое художество?

– Это мы рисовали! – тут же влезла Лада.

Отец расхохотался.

– Она такая: везде успеет, в любую дырку проползёт! Ну, рассказывай, раз начала.

– У нас рисовальный кружок есть в школе, но там скучно: одну и ту же вазочку сто раз рисовать! А мама говорит: дома у нас унылые, давайте их распишем. А учитель говорит: а если не получится? А мама говорит: что не получится, мы закрасим и заново сделаем! Старшие рисовали, а мы раскрашивали. Видите, как получилось? Нам потом ещё премию дали – краски купили и конфет много! А с радио тётя приезжала и ахала: что такую красоту нельзя всем показать – по эфирникам ещё картинки передавать не научились...

Опустошив тарелку и переодевшись в штаны и футболку – от формы остался лишь красно-зелёный галстук юных разведчиков<sup>3</sup>, – Лада умчалась на улицу.

– Наверное, от женихов ещё в детском саду отбоя не было! – улыбнулся Зленовац и, положив на край своей тарелки дочиста обглоданную утиную ножку под ягодным соусом, добавил: – А если она ещё и готовить как вы станет...

– Хотите верьте, хотите нет – раньше совсем не умела! – Радмила Доневиц привыкла к комплиентам своей стряпне, но всё равно приятно. – Вышла замуж, поехала двадцать лет по гарнизонам – поневоле научилась. Мужу и ребятам после похода всегда вкусненького хочется.

– После похода? Муж – понимаю, а мальчишки-то когда успели, если они и сейчас ещё курсанты?

– У нас мальчишки, те, кто собирается служить, с двенадцати лет юнгами ходят – чтобы прониклись... Сколько раз их встречала, а вот на войну в первый раз отправила. Как думаете, начнётся?

– Рада, не надо! – хмуро бросил глава семейства. – Говорил я тебе...

– Так это ты говорил, а товарищ из столицы приехал, он последние новости знает! – прервала жена. Подобно сыну, она не выносила неопределённости. – Не подумайте плохого: я не для того за офицера выходила и Велемира с Воиславом в училище отправляла, чтобы потом под юбку запихивать! Если решено воевать, так тому и быть: иначе зачем форму надели? Только тяжело очень, когда ничего не известно...

– Поверьте, знай я что-то конкретное – не стал бы скрывать! – Зленовац грустно развёл руками с утиным крылышком и куском хлеба. – Но мои сведения о военных планах руководства куда меньше, чем у вашего супруга. Могу сказать одно: нам поступили указания всемерно усилить пропаганду в поддержку Джамхиры против агрессии Уммахана. Про договор о военной помощи между Джамхирой и Народным Союзом вы в курсе – вот и делайте выводы. Ещё, наверное, не раскрою военной тайны, если скажу: небесный флот Уммахана значительно слабее даже одной эскадры, посланной к планете Джална, на которой расположены оба воюющих государства...

– Верно! – буркнул Доневиц. – Снесём одним ударом!

---

<sup>3</sup> Детская организация правящей Народным Союзом Народно-Революционной партии.

– Однако внизу может оказаться куда сложнее, – продолжил размышлять гость. – Уммахан в состоянии поставить под ружьё миллионы фанатичных бойцов, а их горы и долины, перемежаемые пустынями, чрезвычайно удобны для партизанской войны. Особенно если уммаханцы будут получать оружие от других государств...

– Значит, станем сшибать транспорты с оружием! – отмахнулся контр-адмирал. – Мы своё дело знаем и исполним, как надо. Об остальном пусть у армейцев голова болит! Если каждый офицер будет думать за командование и за соседа, выйдет не армия, а женский клуб.

– Ещё чего! – возмутилась Радмила. – У нас такого безобразия нет. Кто ведёт кулинарный кружок, тот в швейный не бегаёт и петь не учит!

От детского крика во дворе зазвенели стёкла. Зленовац обернулся к окну. Две ватаги ребятни тыкали друг в друга палками, одна явно побеждала. На импровизированной баррикаде из пустых ящиков и бочонков, похищенных с задворков продуктового магазина, мелькнули знакомые белокурые косички.

– Бей уммаханцев! – воинственно пищала девочка. – Да здравствует Джамхира!

– Ну, если Лада уверена в победе, да ещё сама в бой идёт, так нам и вовсе грех сомневаться! – Товарищ Горан встал из-за стола. – Благодарю за угощение, посидел бы ещё немного, но мне отчёт писать, да и вы, наверное, устали. Уверен: с ребятами всё будет в порядке!

Последнее он сказал из вежливости, зато про отчёт вышла чистая правда. Разве что записок предстояло составить две: про впечатления от школы и мнение о гостеприимном хозяйине. Зленовац собирался представить его как честного и компетентного военного, который не сомневается ни в верности курса руководства страны, ни в исходе надвигающейся войны. А когда при нём завели пораженческие разговоры, пресёк провокацию на корню.

*Небо планеты Джална, линейный корабль «Заря Свободы» флота Народного Союза*

Спор о высокой политике прервал стук в дверь. Прибыла смена: двое матросов наружу, двое курсантов вовнутрь и тощий разводящий лейтёха. Едва успев получить погоны, он был преисполнен рвения и страстно желал найти какой-нибудь неполадок. Тщетно: маленький гарнизон башни не курил, не пил пиво, не жевал бутерброды, не играл в карты и не рассматривал журналы с голыми красотками. Уммаханские диверсанты отсутствовали даже в виде тараканов. Разочарованный лейтенант сменил караул, и друзья остановились на распутии, то есть на пересечении коридоров.

Прямо пойдёшь – в кают-компанию попадёшь. Точнее, не попадёшь: туда пустят ровно один раз, в самый последний день, после успешного завершения практики. Налево свернёшь – в каюту на восьмерых попадёшь, можно поспать под храп товарищей, почитать или сочинить девушке трогательное письмо из тех, что пишут перед боем. Мол, люблю, скучаю и обязательно вернусь. Хотя завтра пойду в атаку первым.

Тоже отпадает. Воиславу за зубрёжкой вообще не до девчонок, хотя на него заглядываются многие. Лицо тонкое, как у аристократов со старых картин, большие тёмно-голубые глаза под тёмными бровями, изящный, тоже явно аристократический нос с лёгкой горбинкой... С собственной курносой – в отца – физиономией даже сравнивать не стоит, хотя в подружках недостатка нет. Да вот беда: с последней из них Велемир как раз перед походом поругался, а мелкая вредная сестрица проникновенные строки не оценит. Значит, направо, на другой конец линкора, в матросскую столовую, ужинать. Именно в матросскую: курсанты в походе питаются исключительно там.

Повернули направо и наткнулись на компанию нижних чинов. Матросы, судя по виду, едва начавшие второй год службы, тоже держали курс за порцией остывших макарон с условным мясным фаршем. Отведав их впервые, глумливый Велемир предположил, как именно забивали быков, пошедших на этот фарш. Несчастную скотину наверняка расстреливали из пушек, а ошметки кидали в мясорубку вместе со шкурой, костями и копытами.

Рядовой состав не особо торопился вкусить дивное блюдо, и будущие командиры пошли было на обгон, но разговор подчинённых привлёк их внимание. Судя по нему, поход на защиту Джемхире вызывал у тех ещё меньший восторг, чем копытные жертвы артиллерии.

– Политвошак<sup>4</sup> заливал, что они нам друзья и братья! А по мне: таких друзей за хрен, да в музей! – От злости крепкий черноволосый парень постарше остальных даже стукнул кулаком по стене коридора. – Летал я сюда в прошлом году. Приходишь на базар, местные вопят: «Венди, венди, моя покупай!». Мы для них все «венди»: и венды, и хонорцы<sup>5</sup>, и даже наши собственные чёрные. На словах чуть не облизывают – и тут же обмишуришь норовят. Взял кулёк фиников на базаре, хотел своих угостить – наверху хорошие, а под ними гниль да плесень. И ведь смотрел – всё равно подложили. Один зубы заговаривал, второй дрянь совал! Их ничем не изменишь: в Союзе черножопые точно такие же – сто раз проверишь, и всё равно надуют!

– Может, тебе просто не повезло, и на жулика нарвался... – нерешительно возразил другой. – Не может весь народ быть плохим. Вот ихний президент – нормальный мужик. Как и у нас, детский труд на шахтах запретил... Ты же сам, Драго, шахтёр потомственный, неужели ребятишек не жалко?

– Правда, работали? – шёпотом спросил у друга Велемир.

– С четырнадцати лет проходчиками, а откатчиками вагонеток с углём – с десяти. Там штреки низкие, вагонетки маленькие, взрослые не влезают, вот малых и запихивали. Несколько лет – и калека: спины кривые, лёгкие каменеют от угольной пыли... Я картинки в журнале видел – жуть!

Драго страдания малышни не трогали.

– Работают – и хорошо. Иначе-то пацаны воруют да попрошайничают, а девки в шлюхи идут!

– Так Ндумо же проституцию запретил? – усомнился белобрысый парнишка помоложе.

– Да плевали они на его запреты! Всё равно на каждом углу ноги раздвигают, только врачи уже их уже не смотрят. Так что девок лучше не трогать, а то не пролечитесь.

– А ты уже пострадал, да? – хихикнул худой тип с каверзной физиономией и ловко увернулся от подзатыльника. – Признавайся!

– Вот ещё! Перед увольнением политвошаки нам целый час трендели, чего там можно, чего нельзя...

– Так мы для того и помогаем, чтобы Ндумо сделал их жизнь лучше! – не унимался блондинистый сторонник президента.

– За чей счёт? – с издёвкой спросил чернявый. – Подумай, во сколько обойдётся наш поход, и насколько облегчится твой кошелек...

– Товарищ матрос!

Лейтенантские погоны Воислав ещё не получил, но командный голос уже отработал.

– Вы, как я понял, сами из шахтёров?

Незадачливый покупатель гнилых фиников посмотрел на свои широкие ладони с навечно вьевшейся угольной пылью и усмехнулся:

– С шестнадцати лет. Отца в штольне завалило, братья мелкие, матери одной всех не вытянуть...

– Не помните: на рабочей части вашего отбойного молотка буквы и цифры имелись?

– На пике-то? Да, сзади проштампованы, там, где она в молоток вставляется...

– И вы всегда старались получить пику со штампом КВ–2 или КВ–4?

---

<sup>4</sup> Оскорбительное прозвище офицеров по политическому воспитанию.

<sup>5</sup> Одна из республик Народного Союза. Как и Вендия, расположена на одном из спутников Экзепра. В отличие от прочих вошла в состав государства только после Второй великой войны. Ранее являлась частью Хинтерландской империи. Хонорцы составляют пятую часть населения Союза.

– Точно! Уголь-то и обычная рубит хорошо, он мягкий, но до него ещё добраться надо. Зато пустая порода бывает такая...

– Так вот: КВ – это карбид вольфрама. Знаете, что такое карбид?

– С детства! – осклабился Драго. – Его в шахтёрские лампочки засыпаешь, вода туда капает, горючий газ выделяется и светит. Они так и называются – карбидки. Мы пацанами карбид тырили, в бутылки клали, заливали, и они как бомбы рвались! Однажды едва себе глаз не выбил, батя потом так задницу надрал!

– Всё верно! А соединение карбида с вольфрамом даёт материал для ваших пик и резцов для станков. И ещё нити в электрических лампочках вольфрамовые. Восемьдесят процентов вольфрама мы получаем с Джамхиры. Половина нашего молибдена и никеля тоже джамхирские. Без них корабельная броня, за которой мы с вами укрываемся, будет колотиться, как орех. Хотите воевать с такой?

– Ну, войны может ещё и не случиться... – Матрос был озадачен, но сдаваться не соби-  
рался.

Курсант кивнул:

– Хорошо. Пусть её пока нет. Сейчас мы получаем все эти металлы не слишком дорого, да ещё и по бартеру...

– Типа меняемся? – встрял белобрысый.

Гверо кивнул вторично:

– Совершенно верно. Расплачиваемся товарами, которые нужны джамхирцам. Теми же отбойными молотками, или рыболовными судами, или тканями с фабрики, где, возможно, работает ваша невеста... Если сюда придёт Уммахан, он вздует цены и потребует платить исключительно деньгами. Стране придётся раскошелиться, а заводам, судовым верфям и ткацким фабрикам – конкурировать с фирмами Лиги. Все ли смогут? Сомневаюсь. Вот и посчитайте, во сколько обойдётся падение Ндумо Союзу и лично вам.

– Политвоспитатель такого не говорил... – ошарашенно почесал затылок матрос. Постылый поход неожиданно повернулся совсем другой стороной. – Спасибо, товарищ курсант, думать буду...

За познавательной беседой дошли до уже почти опустевшей столовой и даже успели схватить свои порции.

– И откуда ты всё знаешь? – удивилось третье поколение потомков великого адмирала, запивая ужин жидким чаем. – И про вольфрам, и про торговлю? Мы же этого не проходили!

– Порылся в библиотеке и нашёл. Вот тут! – Брат по оружию предъявил потрёпанную книжонку, которую штудировал на дежурстве. – Надо же иметь представление, куда летим и за что на самом деле воюем...

Разговор прервал истошный вой сирены. «Боевая тревога! Всем занять посты!» – проревела внутрикорабельная связь. Курсанты, они же заряжающие башни среднего калибра № 4, кинулись к своим орудиям. Роняя недопитые стаканы, рванула на боевые посты и компания упрямого шахтёра. Какого-то незадачливого матросика сигнал застал в гальюне, и он ковылял по коридуру, наспех застёгивая штаны. Уммаханский флот всё же рискнул выйти в небо и двигался встречным курсом.

*Небо планеты Джална, лёгкий крейсер «Ламотт» флота Орлеаниш<sup>6</sup>*

С высоты в добрую дюжину километров из кают-компаний всё кажется совсем крохотным, и даже огромный айсберг напоминает кубик сахара, плавающий в огромном синем блюде.

---

<sup>6</sup> Одно из двух наиболее влиятельных планетарных государств, входящих в Лигу мирного неба. Расположено на одном из спутников Экзепра.

– Долбануть бы по нему! – Мечтательно потянувшийся старший лейтенант Леопольд Кастрел не имел отношения к корабельной артиллерии, поскольку подчинялся главному штурману «Ламотта». Однако, как подобает охотнику, стрелять любил по всему скачущему, летающему и ползающему. – Разнесём или нет? Что скажут пушкари?

– Мы в двенадцати километрах от поверхности, – очкастый лейтенант-артиллерист достал из кармана блокнот с карандашом, вставленным в аккуратный футлярчик на обложке, и начал считать: – Начальная скорость 54-х килограммового снаряда – 940 метров в секунду. Ускорение – 1,8 метра... Без проблем раздолбаем, а потом спустимся и контуженных пингвинов для супа соберём!

– Пингины! – раздражённо бросил низенький пожилой капитан III ранга с интендантскими погонами. Большую часть службы он провёл на земле, но, когда флотским отставникам стали платить надбавку к пенсии только в случае налёта тысячи часов, срочно перевёлся на «Ламотт». – Вы бы, Кастрел, лучше выяснили у командира, как мы тут вообще оказались. Корабль вышел на обычные учения на орлеанской орбите и вдруг ни с того ни с сего ныряет в волчок к Джалне! Причём нас никто не предупреждал! Если это война, то почему мы пришли одни? Где остальной флот?!

Помощник штурмана с недоумением возрился на интенданта с высоты своего немалого роста, и его красивое породистое лицо мгновенно стало отстранённо безразличным.

– Прошу прощения, суар<sup>7</sup> капитан III ранга, – отчеканил он нарочито официальным тоном. – Мне вряд ли позволительно задавать подобные вопросы капитану II ранга Дебёфу в обход старших по званию. Включая, разумеется, и вас.

– Очень смешно! Можно подумать, мы тут не в курсе, кто ваш отец!

– Вы разговариваете со мной, а не с моим отцом! – холодно бросил Кастрел. – А он, между прочим, с детства учил меня и моих братьев ни в коем случае не использовать его служебное положение...

– ...Кроме тех случаев, когда нужно помочь товарищам решить проблемы с «синяками»<sup>8</sup>, – весело продолжил отповедь трусоватому интенданту артиллерист – любитель пингвиньего супа. – Тут мы за Лео, как за каменной стеной!

Багровый от злости снабженец выскочил, хлопнув дверью, а младшие офицеры дружно заржали. Полгода назад они вместе с приятелями с однотипного крейсера «Кримоге» разгромили публичный дом на окраине Лютении. По мнению честной компании, драли там втридорога, а обслуживали отвратительно. Для пехтуры из захудалого гарнизона, может, и сошло бы, но не для доблестных небесных воинов!

Прибывший по вызову хозяйки полицейский патруль, недолго думая, спустили «синяков» с лестницы, и следующие «синяки» явились в многократно возросшем количестве, да ещё и при оружии. Однако пьяный в хлам, но по-прежнему элегантный Леопольд предъявил старшему чину документы и поимел с ним краткий разговор без свидетелей. После чего жаждущие мести полицейские удалилась, получив взамен клятвенное обещание, что буяны тоже исчезнут и по дороге домой ни во что не вяжутся. Хорошо всё же, когда твой папа замначальника штаба флота и вот-вот займёт кресло шефа!

В служебное время адмиральский сын на борту «Ла Мотта» ничем не выделялся. Разве что поселили его в двухместной каюте без соседа, да никогда не ставили на «собачью вахту» после полуночи, когда особенно спать хочется. Иных привилегий старлей не имел и не искал.

– Всё же странно... – задумчиво протянул главный штурман, наливая себе сухого красного. – Что мы имеем? Народ Джамхеры восстал против тирании президента Ндумо...

---

<sup>7</sup> Суар, суара, суарина – вежливое обращение к мужчинам, замужним женщинам и девушкам в Орлеании.

<sup>8</sup> Прозвище орлеанских полицейских, носящих тёмно-синюю форму.

– Он и есть тиран! Поскольку силой захватил власть! – воскликнул самый молодой офицер крейсера, розовощёкий мичман Мерикур, и тут же сконфузился: – Простите, что перебил...

– Ндумо действительно пришёл к власти в результате военного переворота, юноша, – благодушно разъяснил штурман. – Ну, так не он первый, не он последний. Победитель хинтерландцев король Лотар I взял власть мечом, сокрушил соперников и, сменив угасший род Барбила, основал свою династию. А создатель Лиги мирного неба – протектор Леман Кромвьёрт, памятники которому стоят по всей Орлеании? Обратите внимание, наш спаситель отечества так и скончался, находясь у власти и не проведя демократических выборов, поскольку считал, что страна к ним не готова.

– Так она и не была готова! – не сдавал позиции мичман. – Сперва революция, потом Первая Великая война... Стране требовалась твёрдая рука.

– Ну и Джамхире без неё сейчас не прожить! – пожал плечами навигатор. – Но если Ндумо и тиран, так и уммаханский Совет Мудрейших не лучше! Сидящие в нём богословы просто пополняют свои ряды за счёт своих же учеников, заменяя ими умерших или ушедших на покой старцев. Нынешний председатель Совета Бонсолутаво правит уже третий десяток лет. Однако мы всё равно помогаем Уммахану, а он поддержал повстанцев, и подчиняющиеся ему племена переходят границу Джамхиры.

– Точно так же они съели другие наши бывшие колонии на побережье, – горестно вздохнул артиллерист с блокнотиком, – небось при протекторе не посмели бы!

– Ещё бы! – Штурман не без самодовльства улыбнулся. Реплики товарищей только подтверждали его мысли. – Но мы не о том говорим, друзья. Что здесь делает «Ламотт»?

В кают-кампании повисла зловещая тишина.

– У Джамхиры договор о военной помощи с Союзом, – продолжал штурман. – Со дня на день здесь должен появиться его флот. Если объединённое небесное командование Лиги решило всё же предотвратить вмешательство Союза, то ему следовало бы направить сюда солидную эскадру с кораблями от всех пяти её стран. Возражений нет?

– Всё логично и разумно, – молчавший до того старший помощник капитана затушил толстенную сигару и от напряжения мысли даже слегка подёргал себя за пушистый бакенбард. – Тем не менее к Джалне прибыли мы одни, причём с приказом соблюдать по прибытии полное радиомолчание и вообще отключить связь. Могу сказать, это уже не секрет, что нам указали координаты рандеву с уммаханским флотом. После прихода туда наш командир на катере посетил их флагман, и мы присоединились к уммаханцам. Смысл?

– Перед стартом я слышал, что Союз уже воюет на стороне Джамхиры. – Леопольд столь красноречиво возвёл глаза к потолку, что все поняли: источник информации его родитель. – Можно предположить, что нас в ответ направили на помощь Уммахану...

– Что, одно наше корыто? – удивился старпом. – В каком качестве?

– Напрашивается вывод, что мы тут в качестве наживки! – Очкастая физиономия артиллериста смотрелась истинным воплощением безнадёжной тоски. – Чтобы получить повод к войне после того, как красно-зелёные собьют или хотя бы покалечат. Впрочем, радиомолчание и это не объясняет.

– Сейчас всё узнаем! – со слегка наигранной бодростью сообщил мичман Мерикур, не отходивший во время беседы от иллюминатора. – Вероятный противник по правому борту. И это отнюдь не пингвины, а очень большие киты!

Кастрел тоже подошёл к иллюминатору. Так и есть: дюжина линкоров Союза, не считая мелочи. На секунду внутри похолодело, а по коже пробежали мурашки – показалось, что все их орудия главного калибра направлены на него. Старлей тряхнул головой, отгоняя наваждение, зашёл в туалет и, стыдливо оглянувшись – не идёт ли кто следом? – достал из кармана плоскую фляжку. Глоток крепчайшего рома – именно то, что сейчас ему нужно!

## Глава 2

*Планета Джална, столица Народной республики Джамхира, город Майдигири, президентский дворец*

Президент Джамхиры Оджокву Ндумо рванул оконную раму. Кабинет сразу заполнила раньше еле слышная за двойными стёклами канонада. В лицо ударил горячий, пахнувший едким дымом воздух, еле колыхавший жёлто-красно-фиолетовое знамя на флагштоке перед входом. Догорали северные предместья. Встав во главе Джамхиры, Ндумо поклялся, что переселит людей в новые дома, после чего напустит огненных демонов на эти трущобы, чтоб сгорели без следа и памяти. Вот они и горят – вместе с теми жителями, кто не успел убежать.

Страна рассыпалась, как трухлявое дерево. Когда-то в детстве, наступив на огромный старый выворотень, он едва не вывихнул ногу и навсегда запомнил, как выбирался из отвратительного месива. Душу переполнял холодный и липкий страх, а сучки на замшелых стволах вокруг напоминали глаза, мёртво глядевшие в пустоту. Вот и сейчас сидящие за столом министры кажутся гнилыми пнями, а их глаза так же смотрят мимо верховного главнокомандующего. Словно он подорвался на mine, лежит в луже крови с оторванными ногами, и ни у кого не хватает духу сказать, что перед ними уже покойник. Наверняка большинство давно послали гонцов к мятежникам и предадут его, едва получив ответ.

Президент отлепился от оконной рамы и обернулся. Светло-коричневое лицо, характерное для майдига<sup>9</sup>, было бесстрастно, глаза прикрыты тяжёлыми веками.

– Адумагву! Что на фронте?

Военный министр грузно поднялся со стула и, на ходу застегивая верхнюю пуговицу мундира, быстро подошёл по толстому ковру к карте на стене. Ткнул в правый верхний угол длинной указкой.

– На 12 часов численность группировки повстанцев и отрядов Уммахана к югу от столицы составляет около сорока тысяч человек, с севера – около ста тысяч, с запада – свыше девяноста тысяч... Большинство необученный сброд, хотя немало и солдат – уммаханцев и наших дезертиров. У нас всего семьдесят тысяч, но пулемётов и артиллерии больше – включая почти все тяжёлые железнодорожные установки. Боеприпасов пока хватает, и этот штурм мы отобьём.

Слово «этот» Адумагву произнёс, как и остальные, но выделять его и не требовалось. Столичный гарнизон тоже наполовину состоял из полицейских и наспех подготовленных ополченцев, и не пополнялся, а к мятежникам подкрепления из Уммахана подходили постоянно. Воины кочевых племён документов сроду не имели, и сколько чернокожих пленных ни предъявляй, ничем не докажешь, что они вчера ходили по ту стороны границы с Джамхирой. И будь даже все её 17 миллионов жителей на стороне властей, против 400 миллионов соседей шансов нет...

– Воздух?

– По-прежнему наш.

Хоть тут отбились! Две ладони<sup>10</sup> дней назад министерство обороны показало журналистам пленных уммаханских лётчиков, командование отрёклось от них и больше не решается открыто использовать свою авиацию. Действует только несколько эскадрилий с личным составом из джамхирских предателей и эмигрантов.

---

<sup>9</sup> Небольшая народность аборигенов Джамхиры. В отличие от большинства других имеет не чёрную, а светло-коричневую кожу и прямые волосы.

<sup>10</sup> Десять дней

– А небо?<sup>11</sup>

– Без изменений.

Какие там, к пустынным демонам, могут быть изменения? Флагман, крейсер «Король Омбунигве», шесть дней назад перешёл на сторону мятежников. Большинство остальных кораблей не могут подняться из-за неисправностей – где диверсанты поработали, где нерадивые команды сами довели...

– Когда начнут наступление?

– Ждём завтра на рассвете. – Адумагву передвинул указку к грубо намалёванной стрелке на карте. – Ударят с северо-запада, на юге нас защищают свалки, которые я приказал дополнительно заминировать...

Президент оценил мрачную иронию ситуации. Война с хозяевами свалок шла едва ли не с первых дней его правления. Огромные, тянущиеся на километры, цепи мусорных холмов были проклятием столицы. Майдигири разрастался, нищие окраины сливались с помойками и кормились с них. Отсюда на город ползло зловоние воздушное и человеческое – обитатели составляли криминальное дно столицы, и отсюда же регулярно приходили опустошительные эпидемии.

Ещё курсантом-медиком он мечтал очистить клоаку, но успел только на севере и западе. Южные свалки уцелели – и пригодились! Там можно оставить пару батальонов, а остальные силы направить на опасные участки...

Если перебросить хотя бы по дивизии из ближайших провинций, боевики попадают между молотом и наковальней. Если бы...

– Что командующие провинциальными войсками? Когда подойдут?

– Никогда! – зло выдохнул министр обороны и досадливо ударил кулаком по столу. Графин с водой подпрыгнул и жалобно звякнул. Испуганно метнулась к потолку присевшая было на горлышко жирная муха. – Ишачьи выкидыши нас предали!

– А я ведь предупреждал... – подал свой гнусавый голос сидящий за дальним от окна концом стола начальник Службы национальной безопасности Урасодипе.

Вот дятел! Завтра всех могут перерезать, а этому нужно показать себя самым умным! Да, он предупреждал! И ещё много о чём предупреждал! Что не надо ставить над армией полукровку – генералы-джалнуты воспримут это как личное оскорбление. Но безродный Адумагву не просто оказался лучше прочих. Он стоял вне кланов и не тащил за собой ораву родственников-прихлебателей – вороватых, наглых и, что хуже всего, ленивых и бездарных. Вожди кланов и вышедшие из них военачальники обиделись. Поддержав скромного военврача Ндumo как нейтральную фигуру, они рассчитывали на распределение армейских кормушек между всеми и первоначально получили их. Однако затем президент стал продвигать молодых офицеров из захудалых семей, обязанных лично ему. Теперь обиженные изображают, что ведут бои с мятежниками, а мятежники делают вид, что сковывают гарнизоны провинций и не дают выделить ни единого солдата на помощь столице.

– Ваши предупреждения превратили бы армию в бордель, где приходится считаться с предпочтениями каждой шлюхи! – вскипел Адумагву.

– Если хозяйка борделя подбирает девочек, не считаясь с предпочтениями клиентов, она прогорит, – холодно возразил эсэнбэшник. – Вашим подчинённым повстанцы ближе, чем наш кабинет. Три четверти населения Джамхиры – джалнуты, а в правительстве их, кроме меня, всего двое. Остальные майдиги, полукровки и даже белые! В министерстве финансов каждый третий – альрамей! Хорошо, хоть в армии их почти нет!

---

<sup>11</sup> Воздух и небо упомянуты отдельно, поскольку авиация и способные к межпланетным перелётам корабли, поднимающиеся силой экзеприя, относятся к разным родам войск и обычно действуют на разных высотах.

С дальнего конца кабинета хмыкнули. Кожа благородного оливкового цвета, характерное имя Ариэль Ираклис и ещё более характерная скорбь в красивых чёрных глазах не оставляли сомнений в происхождении командира президентской гвардии, подпиравшего стену у окна. Кто ещё может одним взглядом продемонстрировать сразу два чувства? Гордость за путь в небо, открытый человечеству ещё в каменном веке. И обиду на неблагодарных людшек, отплативших за великий дар завистью и гонениями. Столь пронзительно не взирает даже домашний кот, когда не понимает: почему двуногие рабы не встают среди ночи, если их пушистый повелитель хочет жрать?

Силовики не обращали внимания на Ираклиса и продолжали браниться, но президент их уже не слушал. Такой перепалкой завершалось каждое совещание. Что бы они все тут ни предпринимали, исход войны решается совсем в другом месте, и он сейчас в руках министра иностранных дел Пхунмилаво.

*Планета Джална, столица Народной республики Джамхира, город Майдигири, министерство иностранных дел*

Секретарь главы дипломатического ведомства Джамхиры доложил о визитёре с таким видом, словно жевал лимон. Надо поговорить с парнем – старательный, аккуратный, но всё, что на уме, то и на лице – непростительная слабость для дипломата! Смотрящий в лицо чужакам, а на языке белых – министр иностранных дел Онъедини Пхунмилаво держался неприлично, хотя возмущение подчинённого разделял полностью. Коллективную ноту протеста государств Лиги мирного неба, согласно международному дипломатическому этикету, должен вручать старейший из посланников. Если же её принёс, наоборот, самый молодой – оскорбление налицо.

Именно оно и происходило. Человеку, вошедшему в кабинет, едва перевалило за тридцать, а юбилей он отметил, уже став послом Кандианы в Майдигири. Злые языки шептались, что Натаниэль Оназис получил должность, поскольку родился в одном из богатейших альрамейских кланов. Как, впрочем, и место в министерстве финансов, где энергичный чиновник за считанные годы дорос до замминистра, а потом внезапно ушёл в дипломатию.

Как и многие соплеменники, Натаниэль имел длинный нос и пронзительный взор. Сверх того, он был несколько лопух и отличался постоянно скептическим выражением на худом вытянутом лице. Сегодня, впрочем, скорее задумчивым и даже смущённым. Неудивительно: читай Пхунмилаво тот бред, который сейчас выслушивал, – покраснел бы, несмотря на свою угольно-чёрную кожу.

«...В течение последних десяти дней самолеты Народного Союза с базы Аннабоне нанесли удары по территории, контролируемой оппозицией... Кандиана<sup>12</sup>, Либергалия<sup>13</sup>, Орлеания, Рангстаад<sup>14</sup> и Хинтерланд<sup>15</sup>, как гаранты безопасности народа Джамхиры... Немедленного прекращения авианалётов, вывода с территории Джамхиры военнослужащих Народного Союза и начала переговоров с руководством оппозиции...»

Какова наглость! Мало того что вмешиваются во внутреннее дело чужой страны, так ещё и смеют называть себя «гарантами безопасности». Хотя сами и наплевали на неё двенадцать лет назад.

---

<sup>12</sup> Наряду с Орлеанией, одно из двух наиболее влиятельных государств в составе Лиги мирного неба. Одноимённая планета освоена выходцами из Орлеании, но отделилась от неё в ходе Первой Великой войны. В отличие от Орлеании спутником Экзепра не является и находится в иной звёздной системе.

<sup>13</sup> Конфедерация небольших государств, входящая в Лигу мирного неба. Расположены на одноимённой планете, которая, как и Кандиана, вращается вокруг своей звезды. Населена потомками мигрантов из Орлеании, Кандианы и Хинтерланда.

<sup>14</sup> Самая маленькая республика Лиги мирного неба. Расположена на спутнике Экзепра. В столице Рангстаада – городе Гюлленкерке заседают парламент и верховный суд Лиги, а также расположено командование её объединёнными вооружёнными силами.

<sup>15</sup> Крупнейшее, но не самое влиятельное государство Лиги мирного неба. В прошлом центр теократической империи, сейчас конституционная монархия. Расположена на одном из спутников Экзепра.

Дав своим колониям на Джалне независимость, страны Лиги пообещали их защищать – и обманули. Уммахан беспрепятственно проглотил едва провозглашённые республики и нацелился на последнюю из них – Джамхиру. Её правительство уже собиралось сдаваться, но среди военных нашлись упёртые сторонники независимости, свергли пораженцев и начали лихорадочно искать выход.

Нашёл его, как ни странно, тогдашний министр здравоохранения Ндумо – предложил призвать на помощь Народный Союз. Связи в союзной столице – Светлоградово – у него имелись. Ректор военно-медицинской академии, которую он заканчивал, как раз получил аналогичный пост в правительстве Союза, а с ним доступ к его лысому вождю Немане Хрноевичу. Ну а тот чрезвычайно вовремя крупно поругался с уммаханским Советом Мудрейших.

Светлоградово и Майдигири подписали соглашение о военной помощи. После того как Ндумо стал президентом, на острове Аннабоне появилась союзная военная база, а если Мудрейшие полезут всерьёз, Союз тотчас пришлёт небесный флот. Поскольку пленные уммаханцы предъявлены журналистам, вторжение можно считать состоявшимся, и официальная просьба о помощи отправлена. Утюжить же позиции боевиков бомбовозы Союза имеют полное право, как совершенно верно указано в ноте, уже десять дней. Однако светлоградовские товарищи настоятельно просили пока не светить своё участие, и меры предосторожности приняты.

– Ответ на совместную ноту посольств государств Лиги мирного неба будет дан в установленном протоколом пятидневный срок. – Предки министра сделали своё состояние, торгуя лечебными снадобьями, и нужные доли возмущения и пренебрежения он отмерил точно, как на аптекарских весах. – Могу сказать сразу: самолёты, взлетавшие с базы в Аннабоне, проданы Джамхире Народным Союзом задолго до начала боёв. Тогда же мы арендовали две взлетных полосы на аэродроме базы. Это подтверждает и фото в ваших газетах. Кто-нибудь видел на крыльях и фюзеляжах этих бомбардировщиков эмблемы Союза – зелёные круги с красными молниями? Никто не видел. Потому что их там нет. Уверен, что в представительствах стран Лиги прекрасно знают истинное положение дел.

Звякнувший колокольчик на двери прервал речь министра. На сей раз явился курьер шифровального отдела. Открыв принесённую им папку, Пхунмилаво сам едва позорно не уподобился несдержанному секретарю и не расплылся в торжествующей ухмылке. Короткая эфиропрограмма гласила: «Корабли Союза выходят из волчка<sup>16</sup>. Расчётное время прибытия – час пустынного варана. Сегодня». Что ж, вопрос решился сам собой. Даже отвечать подписантам наглая бумажонки не придётся.

Доставленная курьером папка не ускользнула от глаз Оназиса. Внимательный взгляд альрамея скользнул по лицу собеседника, прощупывая каждую складку. Посмотрел на углы губ, поднялся к глазам... С тем же успехом он мог изучать статую основателю Джамхиры королю Огбунигве на центральной площади столицы.

– Пока я добирался сюда, вокруг слышалась стрельба, – озабоченно заметил Натаниэль. – Мои коллеги обеспокоены. Нельзя ли выделить дополнительную охрану для передвижения по городу?

– У нас нет свободных людей, – человеку, далёкому от дипломатии, сожаление в голосе Пхунмилаво могло показаться почти искренним. – Силы безопасности заняты ликвидацией уммаханских диверсантов, половина которых почему-то оснащена оружием, произведённым в странах Лиги. Нынешний вечер ожидается особенно жарким, и потому советую не выходить за пределы посольского квартала. Сейчас там самое безопасное место в Майдигири. Квартал надёжно охраняется и обнесён стеной со знаком покровительства великого Джалны. Специально уммаханцы вряд ли рискнут покуситься на представителей дружественных им держав.

---

<sup>16</sup> Вихрь, позволяющий перемещаться от одной планеты к другой со сверхсветовой скоростью. Места и периодичность большинства волчков общеизвестны, но некоторые составляют тайну пиратов и контрабандистов.

Ну а бандиты, желающие пожить, как правило, темны и суеверны. Свитая в кольцо змея удержит их лучше любых укреплений.

Спина визитёра растворилась в дверном проёме. Министр перевёл дух и позволил себе скупую улыбку. Сегодня мучения президента наконец закончатся. Надо его обрадовать и помочь с текстом выступления в эфире.

*Планета Джална, столица Народной республики Джамхира, город Майдигири, президентский дворец*

– Ари, ты сделал всё?

Скорбный взгляд майора Ираклиса в очередной раз выразил многовековую мудрость древнейшего народа мира. И глубочайшее возмущение одной лишь мыслью, что стоявший в президентском кабинете носитель этой мудрости может не исполнить всё в самом что ни есть наилучшем виде.

– Небесный порт под контролем. Охрану в административном корпусе, у башни навигации и складов с горючим сменили. Полицейских и таможенников перекинули на внешний периметр – на случай, если какая мелкая шайка прорвётся. По пути пришлось пострелять, убито тринадцать чертей, у нас потерь нет. Зато небесный флот опять есть. Контрминоносец «Майдигири» готов к бою. Он назван в честь нашей столицы, но находился в ещё худшем состоянии, чем её водопровод и канализация. Я воззвал к чувству долга ремонтников...

Они что, издеваются? То министр обороны про южные свалки напоминает, то этот про канализацию...

– Неужели всего-то воззвал к чувству?

– Клянусь! – От возмущения майор даже прижал к груди обе ладони. Изящные и небольшие, что не раз вводило в заблуждение тех, кому Ариэль через мгновение сворачивал шею. – Никого не бил и к стенке поставить не обещал! Лишь перезарядил пистолет, пока уговаривал...

Еле сдержав смех, Ндумо кивнул и достал из ящика стола два листа бумаги. Наверху герб Джамхиры: покровители племён пустыни и гор – верблюд и барс стерегут озеро с тремя финиковыми пальмами. Президентские указы печатают только на таких.

– Твоё назначение моим верховным представителем при союзниках. И не говори, что ты майор, а будешь командовать генералами. Кроме тебя, мне рассчитывать не на кого. Остальные либо верны, но нерешительны, либо решительны, но всегда готовы предать.

И ещё... Если меня... Если я не смогу выполнять свои обязанности, передаю тебе право принятия решений.

– Каких? – оторопело выдохнул Ари.

– Любых. Объявлять войну. Заключать мир. Подписывать международные договоры. Ты знаешь мои помыслы и сделаешь, как сделал бы я. И не станешь цепляться за власть, если увидишь человека, который сможет лучше...

Любимый племянник, сын сестры, которую отец, когда пришла нужда в деньгах, продал богатому альрамею. Жениху принадлежали почти все сейнеры, выходившие в океан за уловом из столичной гавани. Брак оказался удачным, дела семьи поправились, да и с наследником повезло, хотя от майдигской матери в его лице нет вообще ничего. Единственный человек в стране, на которого президент, потерявший жену и детей после покушения, может полагаться до конца.

Майор помрачнел.

– Если у вас такие предчувствия, абу<sup>17</sup>, мне следует остаться.

– У меня предчувствия, что ты нужнее в порту. Я уже не молод, и моя судьба не важнее судьбы страны. Всё. Это приказ. Возьмёшь батальон...

– Роту, абу. Можете меня разжаловать, но без охраны я вас не брошу.

---

<sup>17</sup> Дядя, на языке майдигов.

– Всегда знал, что торговаться с алмазами – это пытка... – тоскливо вздохнул президент. – Хорошо, роту. Но «скорпионов».

– Договорились. С условием, что вы немедленно ляжете спать. В ближайшие часы ничего страшного не произойдёт.

– Уже ложусь. Теперь можно...

Под бдительным взглядом обернувшегося с порога родственника Ндумо открыл дверь маленькой спальни за кабинетом, но попытка вздремнуть едва не сорвалась. В приёмную уже влетал некто очень странный и даже подозрительный. Длинные, чуть ли не до плеч волосы и неимоверно пёстрая рубашка выдавали завсегдатая богемных вечеринок, где порой до утра клубятся литераторы, артисты и художники. Армейские ботинки, штаны и ремень с пустой кобурой предполагали, что гость ворвался в президентский дворец с поля боя, оставив ствол у внешней охраны. И то, и другое являлось чистой правдой.

Корреспондента «Светлоградского литератора» Радое Нишича прекрасно знали в литературных кафе и кабаках, где он ночами без усталости извергал стихи и поглощал коктейли. После чего срывался в неизвестном направлении и появлялся с убийственным текстом о захвате пиратского корабля вендским крейсером, кровавом столкновении уммаханских племён в пустынном оазисе или ликвидации очередного очага эпидемии в Джамхире при личном участии главы страны. Даже военные Народного Союза, и те выдирали друг у друга листок столичного союза писателей, а официальный орган минобороны – газету «Партизан» – употребляли в основном в сортирах.

– Совещание закончилось, или там ещё кто-то есть? Мне назначено!

– Радое, имей совесть! Он впервые за двое суток лёг вздремнуть!

– А когда проснётся? Я подожду!

Остановить задыхающегося от рвения журналиста можно либо пристрелив, либо натравив на другую цель. Не желая брать грех на душу, майор предпочёл гуманный вариант.

– И пропустишь самое интересное...

– Что?!

– Пока сказать не могу, но если подумаешь, почему он наконец лёг, и увидишь, как я сейчас отбываю со «скорпионами» в небесный порт...

– Лысый хрен всё же решился?! Я с тобой!

Ари облегчённо вздохнул и, выходя из приёмной, приказал часовым в течение четырёх часов не пускать к президенту вообще никого. Только если боевики прорвутся и придётся срочно бежать.

*Небо планеты Джална, линейный корабль «Заря Свободы» флота Народного Союза*

«Боевая тревога! Всем занять посты!» – проревела внутрикорабельная связь. Курсанты, они же заряжающие башни среднего калибра № 4, кинулись к боевым постам. Умаханский флот всё же рискнул выйти в небо и двигался встречным курсом.

Теперь, согласно международным правилам ведения войн, эскадры должны вступить в бой, а потом победители высаживают десант. Поверхность планет небесный флот атаковать не может – два века назад летучие корабли из улавливающих атмосферные ветры парусников превратились в пароходы с тяжёлыми бомбами и мощными нарезными пушками. Они могли безнаказанно стереть с лица земли любой город, и несколько даже стёрли в Первую Великую войну. Заключённая после неё Хартия мирного неба запретила удары с кораблей, если они подняты выше, чем на сто метров Лиги, или чуть меньше пятидесяти вендских сажень. Такая стрельба – международное преступление, за которое положен трибунал не только командованию, но и исполнителям.

С высоты ниже сотни метров палите на здоровье, однако тут и ответ можно получить. Прежде всего, от тяжёлой артиллерии фортов и железнодорожных орудий, среди которых есть монстры едва ли не в четверть сажени. Да и авиация с появлением лёгких и мощных бензино-

вых двигателей бурно развивается. В годы Второй Великой войны первые этажерки еле ковыляли по небу. Сейчас у промышленных держав тысячи аэропланов, и корабль у поверхности для них желанная добыча.

Впрочем, мы-то высаживаемся в дружественной Джамхире, а значит единственное препятствие – вражеские корабли. Интересно, сколько их?

Перехватив горящий взгляд курсанта Гверо, командир башни понимающе подмигнул и жестом пригласил его к стереодальномеру. Выглядела неприятельская эскадра жалко. За последние десятилетия Уммахан создал внушительную военную промышленность, но перевооружение её флота началось совсем недавно. Новые линейные корабли едва заложены, а сейчас против двенадцати линкоров Союза вылетело всего семь, несущих эмблему Уммахана – три чёрных языка пламени в белом круге с чёрной каймой. Все разномастные развалины списаны из флотов Лиги и Союза по истечении срока службы и проданы Совету Мудрейших едва ли не по цене металлолома. Крейсера выглядят не лучше, за исключением «Короля Огбунигве». Угнанный мятежниками корабль президент Ндумо купил у Светлоградсково совсем недавно. И сейчас его обтекаемый бескрылый корпус (небесные корабли держатся в воздухе силой экзеприя, им крылья не нужны) как раз соблазнительно парил перед башней № 4.

Войко очень хотелось врезать именно по предателю, но тот внезапно переместился вперёд, а под прицелом орудий оказался корабль, которого командование никак не ждало. Лёгкий крейсер «Ламотт» относился к тому же классу, что и «Огбунигве», и «Заря свободы» мог разнести его одним залпом. Однако на борту нахала гордо красовался голубой круг с жёлтыми шестиконечными звёздами. Лига мирного неба пришла на помощь Уммахану.

– Ну, вот и накаркал... – Услышав о появлении «Ламотта», Велемир говорил неестественно спокойно. – Похоже, мировая война начинается... Готов?

– Конечно! Я уже два раза видел свой первый бой во сне! – Глаза Воислава сияли, и он словно стал выше ростом. – Вражеский корабль, не могу вспомнить, чей – да всё равно! – похож на огромного зверя. Я всаживаю в него снаряд за снарядом, огонь и дым хлещут из пробоин, как кровь. Вокруг взрывы и тоже кровь, возможно, моя, но боли нет – я всемогущ и бессмертен, подобно древним богам!<sup>18</sup>

– Член Революционного союза молодёжи<sup>19</sup> верит в древних богов?

– Нет, их придумали люди, но придумали правильно и сами поверили. Твой прадед начал простым матросом, а когда разгромил хинтерландский конвой на Второй Великой войне, тоже был богом, и мы можем стать такими! И станем!

*Планета Джална, Народная республика Джамхира, дорога к небесному порту города Майдигири*

Слева промелькнула площадь короля Огбунигве, украшенная фонтанами и бронзовой статуей самого монарха с копьём и щитом в могучих руках. Сюда снаряды не долетают, но на площади и пересекающем её проспекте Независимости народу почти нет – мало ли что... Лишь стайки вездесущих мальчишек провожают глазами мчащуюся колонну машин с огромными скорпионами на бортах.

– Езжайте, я догоню! Лейтенант Эгбейеме – за старшего! Овантунго, возьми вездеход № 13–10 и за мной!

Отдав приказ, Ари велел водителю своего бронированного вездехода повернуть к белешему за стеной деревьев зданию. За ним шла машина сержанта Овантунго. Как и у командира, с экипажем из четырёх человек, включая двух пулемётчиков. Только там тяжёлый пулемёт забарахлил, и пока его ремонтировали, пришлось поставить обычный, калибром 7,5 милли-

---

<sup>18</sup> Боги, которым поклонялись до принятия веры в Отца, Мать и Экзепра.

<sup>19</sup> Молодёжная организация Народно-Революционной партии.

метра, как у винтовок. Впрочем, для задания, которое предстоит выполнить сержанту, и такой сойдёт.

Маленький караван остановился у входа. Майор пробежал мимо первого этажа, как обычно, заполненного пищащими детьми в сопровождении мамаш, бабушек и тёток. Правда, раньше среди них не мелькали окровавленные повязки. Больниц при Ндумо прибавилось втрое, и эта, детская, пока ещё не стала военным госпиталем. Только осколки выпущенных по городу снарядов не разбирают, кого увечить.

Дверь в кабинет на втором этаже приоткрыта, и в нём заснула за столом, уронив голову на руки, чернокожая красавица в белом халате. Похоже, ночь у неё выдалась нелегкой...

– Куда! Дайте доктору поспать! – Вставшая стеной перед дверью молоденькая, но очень сердитая медсестра явно работала здесь совсем недавно и не понимала, кто перед ней. – В отделении есть ещё два врача!

– Я по личному делу! И совсем ненадолго.

Ариэль прикрыл дверь и зарылся носом в густые волосы доктора. Через минуту, с сожалением оторвавшись от её губ, спросил:

– Ассар здесь?

Женщина кивнула в дальний угол. Их первенец мирно посапывал в коляске. Отец, как обычно в смешанных альрамейских браках, пошел внешностью в избранный народ, а в ребёнке кровь смешалась странным образом: альрамейские черты лица, чёрные джалнутские кудри и кожа кофейного цвета – темнее, чем у альрамея и майдигов, но светлее, чем у джалнутов...

«Личное дело» стоило майору Ираклису почти всех родственников. Факультеты терапии и педиатрии в медицинском университете Майдигири были созданы по личному указу президента. После эпидемии пустынной лихорадки туда, впервые в истории Джамхиры, да и всей Джалны, смогли поступить женщины.

Семь лет назад даже косившая людей смерть не заставила хозяев допустить врачей на женскую половину, а лекарей-евнухов осталось всего четверо на весь город, они не успевали обойти и самые богатые дома. Страшная жатва помогла Ндумо добиться своего, но с условием: учиться на врачей могли лишь воспитанницы приютов – бедные сироты и подкидыши. Низшие из низших, те, кого не жаль опозорить.

Именно там, на торжественной церемонии выпуска, Ари и заметил Нгару. Заметил – и пропал. Отец пришёл в ярость: младший сын, которому он уже присмотрел в жёны дочь своего делового партнёра – разумеется, тоже альрамея, предпочёл безродную приютскую девчонку! Поняв, что Ариэль все равно сделает по-своему, глава семьи лишил его наследства и запретил переступать порог родного дома. Матери Нгара понравилась, но её голос тут ничего не решал.

Ираклис осторожно, чтобы не разбудить, погладил макушку мальчика и обернулся к жене.

– К вечеру вернусь, поедем домой вместе.

Женщина подняла глаза на мужа с надеждой:

– Мы побеждаем?

– Венды пришли. Теперь всё будет хорошо. Но...

Он замолчал на мгновение.

– Не так хорошо, как ты говоришь? – натянуто улыбнулась она.

– Я же альрамей, а мы всегда надеемся на лучшее, но готовимся к худшему. Так что слушай. Во дворе стоит машина, в ней дежурит сержант Овантунго. Знаешь его?

– Невысокий такой, лысый, со шрамом?

– Да. Оставляю его на всякий случай. Если случится что-то непредвиденное, он вывезёт тебя из города на вендскую базу на Анабоне. И не спорь! Ты – жена человека, за голову которого уммаханцы назначили сто тысяч райлов. Сама говорила, что некоторые бездельники тебя тут

не любят, а значит, продадут при первой возможности. Поэтому, когда Овантунго придёт за тобой – встань и иди.

– А твои родители? – спросила Нгара.

Ариэль лишь поморщился и махнул рукой. Конечно, майор предлагал отцу укрыться на вендской базе, однако тот не стал даже разговаривать с сыном. Чего, в самом деле, бояться крупнейшему рыборотговцу Джамхиры, давно и успешно торгующему с Уммаханом? Мать же отказалась ехать без мужа. Но жену и ребёнка он спасёт любой ценой.

– Поняла?

Та кивнула. Ариэль ещё раз поцеловал её и направился к выходу. Сержант боец верный и опытный – умрёт, а семью командира в безопасное место всё равно доставит.

После недавней зачистки мятежники если и не удрали подальше, то не высовывались. Ощетинившиеся стволами бронированные грузовики одним своим видом отбивали охоту связываться, как и укрощающие кузова клешнястые страшилища. Рота не раз за считанные часы пересекала целые провинции, появлялась, где её не ждали, и наносила смертельный удар.

Единственный сюрприз преподнесла неширокая, зато глубокая и бурная речка с заковыристым названием Коммодугу-Йоббе. Река славилась сварливым характером, крутыми порогами и коварными омутами, а сегодня порадовала рухнувшим мостом, у которого встал маленький пулемётный броневичок-разведчик. Засады в чахлах кустиках по обеим сторонам дороги не просматривалось, рошица справа располагалась далеко. Зато груды камней на заброшенном карьере слева доверия не внушали, и справедливо не внушали, потому что именно оттуда и прилетело. К счастью, миномёт, а не пушка, да ещё и плохо пристрелянный. Мина рванула с недолётом.

«Скорпионы» не раз отрабатывали такое на учениях – не сплеховали и сейчас. Не заглушившие моторов машины сошли с дороги – чётные налево, нечётные направо, и разъехались в разные стороны. Два передних грузовика вместе с пушечным броневым автомобилем «Скарабей» подъехали поближе, и солдаты посыпались с бортов, тут же прячась в рытвинах или укрываясь кто за камнями, кто за корпусом «Скарабея». Сзади торопился такой же замыкающий броневик, и шквал малокалиберных снарядов с башен обрушился на каменные завалы. Под прикрытием их огня к карьере спешили «скорпионы». Четыре штурмовые группы с пулемётами шли двумя волнами. Первая и третья бегут, согнувшись, по высоченной выгоревшей траве, вторая и четвёртая бьют очередями по всему, что шевелится, не давая поднять голову. Потом рывок второй и четвёртой, а первая и третья прикрывают. Азбука боя, прописи, можно сказать... А это ещё что?!

Глянув на вновь поднявшуюся третью группу, Ираклис свирепо выругался. Среди уже вплотную приблизившихся к карьере бойцов мелькнула пёстрая рубашка. И тут же рядом грохнуло – ну как в такого попугая да гранату не кинуть? Упал! Насмерть или только задело? Нет, вскочил, побежал дальше...

Из трёх десятков боевиков уцелело только двое раненых, которые ничего не знали. Майор велел их добить и подошёл к сияющему от восторга журналисту.

– Я давно говорил тебе, что ты придурок? – меланхолично заметил Ариэль. – Если уж полез, так хоть переодеться бы мог...

– Когда? – Стереть с лица Радо переполненную восторгом улыбку можно было разве что прикладом. – Мы же прямо из дворца сюда рванули, а куртку я в гостинице оставил – вон жарщица какая! Или мне с кого-то из парней одежду снимать? Ты уверен, что они бы это правильно поняли?! Да и не случится со мной ничего – сам обещал!

Когда они выбрались из предыдущей переделки, Ари и вправду подарил другу семейный талисман – маленького серебряного скорпиона на цепочке. Но не объяснять же, что его наговаривали хранить хозяина только от мечей, стрел и копий, потому что пуль и гранат тогда ещё не придумали!

– Спорящий с упрямым ишаком сам ему и уподобляется, – обречённо махнул рукой майор и, решив обрести утешение в инженерных работах, подошёл к мосту. Неприязненно оглядел дыру на месте центрального пролёта. Молча указал сержанту на повреждение, и тот рысью двинулся ко второму с конца грузовику. В отличие от прочих, за ним тащился длинный прицеп.

– Он знал, что мост взорван? – удивлённо спросил молодой гвардеец, глядя, как сапёры деловито тащат к пролomu длинные дощатые щиты.

– Нет, конечно! – ухмыльнулся его бывалый товарищ. – Но был готов, что взорвут. Командир ко всему готов. В ихнем народе все такие... запасливые.

Вездесущий Нишич записал диалог в блокнот и двинулся к опасно склонившемуся над рекой дереву. Фото ремонта моста обещало выйти замечательным. Ираклис вздохнул и подождал одного из сапёров. Не переставая следить за работой бойцов, полюбовался, как поэта и воина обвязывают верёвкой на случай, если всё же сверзится. Заметив сразу за мостом наспех зарытую яму, приказал проверить и с удовольствием узрел фугас...

На этом дорожные приключения закончились, и когда колонна въезжала в порт, Ариэль самодовольно думал, что и вправду всё предусмотрел. А потом вошёл в зал ожидания и увидел окаменевшие лица людей, сгрудившихся у чёрного рупора точки эфирного радио. Микро-волчки, возникающие в заполняющем атмосферу эфире под воздействием радиоволн, распространялись с той же сверхсветовой скоростью, что и их огромные собратья, несущие корабли. И точно так же распадались, передавая последние слова президента Ндумо.

– ...Я проиграл, потому что был плохим политиком, но моя совесть чиста. Все десять лет я старался сделать вашу жизнь хоть немного легче. Шахты вернулись государству, в них уже не работают дети, и доходы идут на помощь малоимущим...

«Ты восстановил против себя их бывших владельцев, а получающие подачки редко бывают благодарны, – мысленно продолжил племянник. И дополнил сам себя: – Если им постоянно не промывать мозги, внушая любовь к благодетелю».

– Женщинам даны равные права с мужчинами, а девушек никто не может продать мужу без их согласия...

«И на тебя обозлились те, кто лишился возможности бить жён и торговать дочерьми, как моей матерью...»

– Моя смерть ничего не даст врагам. Товарищи из Народного Союза пришли на помощь Джамхире. Мы всё равно победим...

Взрыв гранаты. Грохот упавшей двери. Несколько секунд невнятного шума, злобный визг: «Добить?!» Вопли: «Пусть подыхает медленно!» – «Выкинуть из окна!» – «На кол!» И уверенный голос с лёгким иностранным акцентом: «Мы что, дикари? Добей!» Выстрелы. Тишина. Наверное, одна из пуль попала в микрофон.

Люди, собравшиеся в зале, смотрели на «скорпионов», те – на своего командира.

– Приказ президента не отменён, – хриплым, чужим голосом сказал Ариэль. – Задача прежняя: встречаем вендов и вместе с ними давим мятежников.

– Ндумо уже нет! Бегите, дураки! – визгливо заорал толстяк в мундире таможенника и упал с простреленной головой. Паника сдохла, не успев родиться, гвардейцы мгновенно разошлись на посты, а остальные словно испарились. Майор аккуратно дозарядил магазин и поднялся в центральную диспетчерскую. Ясно видные в огромное окно транспорты разворачивались над посадочным полем. Ари молча отодвинул дежурного диспетчера и склонился к микрофону.

– Я, майор Ариэль Ираклис, согласно приказу президента, являюсь его полномочным преемником. Мы готовы встретить наших вендских братьев. К высадке всё подготовлено.

– Ждём приказа!

Выплюнув столь малообнадёживающие слова, динамик громкой связи снова заглох. Венды ждали на своих кораблях, джамхирийцы – в порту. Время ползло: час, два, три... Наконец аппаратура ожила:

– Командование эскадры Народного Союза извещает правительственную делегацию Джамхиры, что новая администрация республики объявила о разрыве договора о взаимной помощи между Джамхирой и Народным Союзом, – сообщил усталый и скучный голос. – Члены правительственной делегации и все граждане Джамхиры, находящиеся на территории порта, могут эвакуироваться на транспортных судах Народного Союза, которые приземлятся в течение часа. Прочие граждане Джамхиры, желающие покинуть страну, будут вывезены новой администрацией на остров Аннобоне и эвакуированы оттуда. Конец связи.

– Стойте! – заорал в микрофон Ариэль – Теперь президент – я! Мои полномочия могут подтвердить все члены правительства, которые вас встречают! Кого вы хотите слышать?!

– Я знаю их командующего, – пожилой генерал подошёл к пультам и уселся в освобождённое майором скрипучее кресло.

– Заместитель министра обороны Бобонгида Тумжи вызывает адмирала Келечича... Здравствуй, Момир. Да, я здесь и подтверждаю полномочия майора Ираклиса. Момир, что происходит? Вы же не могли признать их за три часа и разорвать договор. Это противоречит...

Генерал оборвал фразу на полуслове, выслушал ответ, пробормотал: «Всё кончено», – еле поднялся и, шатаясь, вышел. Ариэль его не останавливал, он тоже слышал Келечича и понял: всё действительно кончено. Приказ из Светлоградovo, которого ждали, поступил. Джамхиры больше нет, указ, назначающий его наследником президента, для всего мира не стоит бумаги, на которой напечатан. Для всего мира, но не для него.

## Глава 3

*Небо планеты Джална, линейный корабль «Заря Свободы» флота Народного Союза*

Воислава не раз лупили старшие мальчишки. Он ломал ногу, прыгая на спор в реку с высокого обрыва. Чуть не потерял глаз, взрывая древний артиллерийский снаряд. При поступлении в училище экзаменатор выгнал наглого сопляка, который знал историю лучше преподавателя, и тут уже пришлось вмешаться адмиралу Доневичу. Но друживший с ним почти десять лет Велемир ни разу не видел его слёз. Зато теперь без пяти минут лейтенант – отличники сразу получают это звание, минуя мичманское – рыдал от бессильной злости самым постыдным образом. Мечта всей жизни – Небесный флот рухнул в грязь, красно-зелёное знамя Союза покрыто позором, а мир оказался переполнен предательством и подлостью.

Три часа мучительного ожидания, отбой тревоги и путаная речь эскадренного политического воспитателя. После неё Воислав и разревелся. Ситуацию слегка выправил Велемир, который ещё в училище отличался талантами по части нелегальной добычи спиртного. Запасливый кореш, которого и самого трясло от бессильной злобы, появился с бутылкой можжевельники, влил в него стакан, и вскоре напились оба. Как и многие на всех опозоренных кораблях.

Осознал себя Войко, сидя на полу и опираясь о стену тупичка возле машинного отделения. Рядом примостился кто-то ещё. С усилием сфокусировав расплывшийся взгляд, курсант узрел давешнего шахтёра. Тот продолжал какой-то, явно не минуту назад начатый рассказ:

– ...А он мне говорит: вы, Рудый, не понимаете политики правительства насчёт братства народов. А я ему: братья у меня есть – я за них любого порву, а гнида черножопая мне не брат. А он мне: это статья за разж... ик... игание... этой... межнациональной ненависти. А я ему: да хоть сажайте, мне плевать, и в тюрьме люди живут.

– Погоди... Рудый – это кто?

Матрос повернулся к нему, пахнуло чем-то куда забористее можжевельники.

– Так это я – Рудый. Драгомир Рудый, старший матрос, третий год службы, дембель осенью.

– Воислав Гверо, курсант Высшего небесного училища, четвёртый курс, выпуск через месяц... – Какого хрена он, вопреки уставу, прикладывает руку к голове без фуражки, да ещё валяясь возле стенки рядом с младшим по званию? – Это вчера... А сегодня чёрт знает кто... Наверное, предатель, подлец и пьяная скотина...

– С чего? Это же не ты драпать приказал... А выпить с горя – нормально!

– Сам-то как полагаешь: братья они нам или нет? Стоило из-за них рисковать большой войной? Ведь если сложить все эскадры Лиги и Уммахана – у них по три корабля на каждые наши два выходит.

– Чем такая родня, лучше сиротой быть, но сейчас не в том дело, курсант... Я же тебе говорил, с чего тогда началось... Пошли мы как-то на танцульки в выходной. И сцепились с одним черножопым из-за Неды, моей девчонки. Она щас на канатной фабрике работает, а тогда училище заканчивала. Ну, он к ней и пристал...

– Слушай, а почему черножопый, а не чернорожий?

– Дык, когда со смены выходишь, рожи у всех чёрные, не разберёшь, кто какой масти, – с охотой разъяснил нижний чин. – По всему видно, грубое слово он употреблял часто и смачно. – А в душевой, без штанов, всё видно. Так вот, вышли на улицу, я своих кликнул, он своих: нас семеро, их вдвое больше, и половина с ножами. А мне ещё отец говорил: «Если без драки никак, бей первым!» Одному я бутылку о тыкву разбил, другого ключом разводным приложили, ещё один на собственное перо напоролся... три раза... В общем, когда менты прибежали, половина лежала, половина драпала.

– И что вам за такое было? – Войко слегка позавидовал. Он-то последний раз дрался в туалете училища, с этим уродом из параллельной группы, из-за... Уже и забыл, из-за чего!

– Штрафанули каждого да премию сняли. Начальник отделения милиции нормальный мужик оказался, его вскоре убрали. Ну, мозги промывали на собраниях – мол, драка не метод, любой конфликт можно решить словом... Дорешались они, словом, что девкам даже днём по улице пройти страшно! Зато после нашего решалова черножопые сидели тихо, как мыши, ходили по стеночке. Так вот я и говорю: в драке прав не тот, за кем закон, а тот, у кого яйца крепче...

Ну, поднимаемся, что ли? Э, братан, тебя же ноги не держат! Давай-ка, пошли помаленьку, где там твоя каюта? Да не парься – уроешь ещё всех гадов, а я прочту про тебя в газете. И буду внукам рассказывать, как самого крутого адмирала Вендии, ужратого в хлам, до койки тащил!

*Небо планеты Джална. Крейсер «Ла Мотт» флота Орлеани*

– Разрешите, суар капитан?

Деликатно постучавшись и получив позволение войти, старший лейтенант Кастрел лихо отдал честь.

– Слушаю вас.

Несмотря на блестящую и бескровную победу – флот Народного Союза бесславно ушёл, – командир «Ла Мотта» не выглядел победителем. Наоборот, смотрел он как-то затравленно и уже в который раз протирали дрожащими руками круглые очки. На старшего лейтенанта капитан II ранга Кернон Дебёф взирал с неприязнью. Тот строго соблюдал субординацию и порой держался даже несколько подобострастно, но в безукоризненно вежливых фразах постоянно чувствовалось высокомерное презрение. Кастрел словно давал понять: ему адмиральских эполет не избежать, а ты уйдёшь на пенсию в лучшем случае кап-разом. Да и хорош собой лейтенант, чего уж тут скрывать. Смотришь и вспоминаешь, что у тебя самого китель топорщится на растущем чреве, и голос, когда разносишь подчинённых, срывается на некрасивый фальцет.

– Насколько я понял, наша миссия выполнена, и, если ничего не случится, крейсер уйдет в волчок на Орлеанию, который откроется здесь, через семнадцать часов?

...И девицы тебе сами на шею вешаются, такому красивому и богатому. Небось не улыбался бы, зная, что дома трое спиногрызов и ржавая пила, которой вечно денег не хватает.

– Ну, допустим! – сердито буркнул Дебёф. – И что?

– От места открытия волчка не более часа лёту на катере до Огдомошо. Командующий войсками Уммахана там – старый друг моего отца, и незадолго до нашего вылета писал, что подготовил для него небольшой подарок. Если вы не против... Готов попутно выполнить любое ваше поручение.

Вот ведь наглец! Однако ссора с твоим папашей мне точно не нужна, особенно сейчас. Главное, чтобы тебя там не подстрелили ненароком, хотя, кажется, некому. Если сторонники Ндумо ещё остались, то их добивают на земле.

– Хорошо, летите. Но ни во что не ввязывайтесь!

*Планета Джална, Народная республика Джамхира, больница в её столице Майдигири*

Издав указ об установке громкоговорителей на фонарных столбах городов Джамхиры, президент Ндумо меньше всего думал о семье племянника. Ставил для того, чтобы малограмотные люди могли вовремя услышать обращения властей. Теперь из рупоров раздались вопли о свержении тирана, и сержант Овантунго понял: жену и сына командира надо вытаскивать. Немедленно.

Патроны стоило поберечь на крайний случай, и потому сержант оставил автомат в машине, а пистолет в кобуре. И всё же он чуть не опоздал – забыл, что нужный кабинет на втором этаже, добежал до третьего. Промчался мимо десятка кабинетов, сваленных в кучу парусиновых носилок и туалета, украшенного двумя плакатами. На мужской двери с лозунгом

«Выйдя из уборной, руки мойте сразу. Тем, кто чистоплотен – не страшна зараза!» На входе для женщин (большинство их до сих пор читать не умеют) с картинкой: весёлый кусок мыла пинком сбрасывает с ладони гадкого волосатого микроба.

Хлопнул себя по лбу, скатился по лестнице вниз. Обогнал санитаря, который поддерживал кого-то перебинтованного и опирающегося на костыль. И услышал женский крик.

– Она там! – Чернокожая старуха-уборщица услужливо распахнула дверь. – Удрать хотела со своим змеёнышем, но мы, слава Джалне, успели!

Овантунго молча зашвырнул старуху вовнутрь, одновременно вытягивая из ножен кинжал. Стол перевернут, пузатый джалнут в белом халате и такая же толстая чёрная тётка придавили Нгару своими тушами к полу, но та продолжала отбиваться. Вырвала руку, вцепилась ногтями толстяку в глаза...

– А-а-а! Сука-а-а! – завизжал мужик, замахаясь кулаком. – Убью... Хр-р-р...

Фонтан крови из перерезанного горла едва успел хлестнуть в стену, а жирная джалнутка уже свалилась рядом с приятелем. Затем сержант раздавил тяжёлым ботинком горло стонущей на полу бабки – ещё на помощь позовёт, тварь, – и помог подняться Нгаре.

– Бери мальчика – и уходим! – бросил он еле дышащей женщине. – Все вопросы потом! Быстро!

Через час соседка Нгары, у которой доктор спасла умирающего сына, привела в больницу отряд уммаханцев. Обнаружив пропажу добычи, боевики обозлились. Пристрелили незадачливую доносчицу. Изнасиловали медсестёр – девчонку, не пускавшую Ари к жене, употребив, задушили – кусаться вздумала, сучка! Разгромили кабинет сбежавшего с деньгами главврача. И ещё выкинули забинтованного мужичка с костылём из окна. Хотя тот и клялся, что никакой он не раненый солдат, а всего лишь накрытый шальным снарядом лавочник. Бедолага не врал, однако его лавка располагалась где-то на северной окраине. Не тащиться же проверять в такую даль!

#### *Планета Джална, небо над Народной республикой Джамхира*

Работавшие на холостом ходу моторы разогнали ток, наполненные экзеприем баллоны нагрелись, и миниатюрная копия крейсера – только без орудийных башен и дымовых труб – медленно оторвалась от днища ангара. Кастрел махнул механику, тот нажал кнопку подъёма ворот и юркнул в дверь, спасаясь от пронизывающего холода за бортом. Пилот – тот самый розовощёкий мичман Мерикур, который обнаружил эскадру Союза, – перевёл пусковой рычаг в рабочее положение. Судёнышко выскочило наружу, пронеслось над кормой крейсера и, заложив лихой вираж, начало снижение.

Отпрашиваясь у командира, Лео не солгал, но и не сказал всей правды. Внизу адмирала, точнее, его супругу, действительно ожидали подарки. Прекрасное старинное золотое кольцо, не менее роскошные серьги и ещё набор маленьких глиняных флакончиков благоухающих снадобий, с которыми не могут сравниться самые изысканные духи орлеанских парфюмеров. Однако самого старшего лейтенанта терзал охотничий азарт.

Неожиданно оказаться на войне и не пострелять? Это недостойно небесного офицера, род которого уже добрую дюжину поколений сражается с хинтерландцами, вендами, уммаханцами и пиратами всех мастей! Палить в ползающих по дорогам беженцев неспортивно – дичь должна быть, лучше всего, летучей или хотя бы быстроходной и вооружённой. Наверняка в Джамхире такая ещё осталась, и начальству не обязательно знать, что катер полетит к Огдомошо не напрямую, а через Майдигири.

– Высота восемьсот, скорость двести пятьдесят!<sup>20</sup> – проорал в ухо Мерикур.

– Снижайся до двухсот!

<sup>20</sup> Соответственно метров и километров в час.

Кастрел внимательно всмотрелся в расстилающийся по курсу пейзаж. Вытянутый вдоль побережья город напоминал развороченный муравейник. На севере и в центре половина кварталов горела. Несколько пушек палили по южному концу, где последние верные президенту солдаты ещё отбивались, желая продать свою жизнь подороже. Туда же, к порту, катились машины и автобусы – сторонники Ндумо пытались улизнуть на остров Аннабоне, с которого как раз поднимался грузный транспорт Народного Союза с беженцами на борту. Второй пока оставался на месте.

Между островом и гаванью хаотично металась катера, рыболовные судёнышки и даже парусные лодки. Среди них рвались снаряды, вздымая фонтаны воды. В одно попали, и оно начало опрокидываться. Другое пылало с носа до кормы, но упорно шло к спасительному берегу.

Курсовые пулемёты катера были готовы к стрельбе, но достойной мишени не наблюдалось. Атаковать южные кварталы смысла не имело. Дзамхирцы засели в домах – их пулей не возьмёшь, нужны бомбы, которых на катере не было.

Раздосадованный Леопольд уже хотел повернуть к границе, но... Вот оно! Вынырнувший из кривого переулка автомобиль проскочил к набережной и помчался к порту, за ним устремились три других. Старший лейтенант взгляделся в прицел: точно, армейский вездеход с развевающимся над капотом флажком и пулемётом в кузове! И кажется, неплохими стрелками – один из преследователей нарвался на очередь, загорелся и опрокинулся. Возблагодарив судьбу, подарившую ему подходящую для охоты цель, потомственный небесный воин приказал пилоту снизиться ещё больше и начал ловить беглецов в перекрестье прицела.

Поглощая патроны размером с упитанную сосиску, затрещала спаренная 13-миллиметровая установка. Шквал пуль вспорол землю перед беглецами. Автомобиль резко затормозил, повернулся почти на месте, юркнул в сторону и помчался к причалам уже не по берегу, а параллельной улицей.

Каков хитрюга – решил потрепыхаться напоследок! Только дальше-то дома заканчиваются, и я тебя всё равно достану. Чего? Отстреливаешься? Из пукалки винтовочного калибра, что в кузове за кабиной? Ну, попробуй, попади! Второй заход – опять мимо: водила внезапно прибавил скорость, и пули прошли за вездеходом. В третий раз тебя ничего не спасёт – есть! Очередь прошла автомобиль наискосок, он вильнул и врезался в столб. Вторая случайно припала по одному из оставшихся преследователю и завершилась взрывом. Кто остался жив, я не виноват!

– Командир! – стрелок с задней пулемётной башенки завопил так, что на мгновение перекрыл грохот моторов. – Бомбардировщики на восемь часов! Над нами!

Кастрел поднял голову. Шестёрка двухмоторных крылатых машин шла на высоте около полутора километров с юго-запада. Капитан вспомнил: Народный Союз продал Дзамхире партию таких самолётов, и, похоже, именно они возвращались с бомбёжки повстанцев. Не зная, что те уже самые что ни на есть законные формирования нового правительства. Какие там у них данные? Максимальная скорость 320 километров, обычные пулемёты, как и на подстреленной минуту назад дзамхирской тачке. Годится!

Машина взревела и начала набирать высоту, задний стрелок снова заорал. Со стороны моря на перехват шли три тупоносых истребителя с зелёными кругами с красной молнией на борту. Венды! И вооружены посерьёзнее, чем орлеанский катер, – кроме пулемётов, на каждом скорострельная пушка калибром 20 миллиметров. Правда, брони нет, но рисковать всё равно не стоит.

Истребители не стали преследовать улизнувший катер и, сопроводив бомбардировщики на Аннабоне, приземлились вслед за ними. Вскоре доклад командира авиазвена очутился на столе у начальника базы, который немедленно поставил в известность посла Народного Союза в Дзамхире.

Тем временем орлеанцам представился ещё один шанс вступить в бой, но они опять им не воспользовались. Хотя стремительно снижающийся над городом корабль нёс на борту жёлто-красно-фиолетовую эмблему Джамхиры, он мог прихлопнуть Кастрела, словно надоедливого комара. Решив, что все положенные подвиги совершены, старлей отвернул с курса контрминоносца «Майдигири» и ушёл к уммаханской границе.

Сам «Майдигири» тем временем долетел до центральной площади столицы. Строго соблюдая Хартию мирного неба (если придётся спастись за рубежом, нарушителя выдадут точно, а так шанс есть – особенно в Либерталии), спустился на положенные сто метров и обрушил шквал снарядов на президентский дворец. Корабль куда меньше могучих линкоров, которых он должен защищать от атак вражеских миноносцев, но его артиллерия достаточно сильна. И для того, чтобы разнести в хлам дворец, мощи пушек хватает с лихвой! Не успев толком разделить министерские портфели, новые правители республики нашли свой конец под развалинами.

Майдиги верили: если не отомстить за убитого родича, в загробном мире он обречён скитаться по бесплодной пустыне. Зато месть открывает павшему путь в шатры, где достойные обретают вечную молодость, пируют с богами, сражаются между собой и возлегают с неописуемыми красавицами. Чем больше виновных падёт от руки мстителей, тем почётнее и ближе к небожителям окажется место отомщённого.

...Вылетев из кабины, Овантунго с трудом поднял голову. Мальчик был по-прежнему на руках, без сознания, но вроде целый. Когда по ним начали стрелять, водитель помчался зигзагами, и Нгару стало швырять по сиденью, он забрал у неё ребёнка, чтобы женщина могла уцепиться за ручку двери. Надо помочь остальным, но как, если тело при малейшей попытке пошевелиться словно протыкает раскалённым железом?

Рядом взвизгнули тормоза, и почти вплотную к перевернутой машине остановился небольшой грузовик с солдатами.

– Что случилось? – спросил выскочивший из машины командир, такой же сержант, только армейской пехоты.

– Помогите! – прохрипел Овантунго. – Там, в машине...

Двое бойцов кинулись к перевернутому вездеходу, заглянули внутрь.

– Некому там помогать, друг...

Гвардейца, который так и не выпустил из рук сына командира, положили в кузов. На вендский транспорт его грузили уже без сознания. Там «скорпион» и умер.

– Голова насквозь, ребра всмятку, – сказал вендский офицер доставившим сержанта пехотинцам. – Наш лазарет всё же не клинический госпиталь, хотя не уверен, что и там бы его откачали. Малыш его?

– Его! – подтвердил кто-то из солдат. – Он перед тем, как отрубиться, всё спрашивал: как, мол, Ассар?

Офицер внёс услышанное в рапорт, добавил туда же фамилию из солдатской книжки мертвеца, и определённый сперва в ясли, а затем в один из детских домов Народного Союза, мальчик поселился там под именем Ассара Овантунго.

*Планета Джална, небо над Уммаханом и Народной республикой Джамхира, горы к северу от Майдигири*

Сокрушив президентский дворец, майор Ираклис не собирался останавливаться. Залетев на уммаханскую территорию, он с удовольствием и опять-таки с тщательнейшим соблюдением Хартии мирного неба ударил главным калибром по небесному порту Огдомшо. Порт прикрывали тяжёлые зенитные батареи, и Ари сильно рисковал, но его спасла наглость. Уммаханцы не сомневались, что после расстрела дворца чокнутая лоханка удерёт к ближайшим волчкам, и отправились перехватывать его там. Вместо этого «Майдигири», слегка попетляв в облаках, выскочил из них над отрогами гор и на бреющем полёте выплыл к Огдомшо. Первые снаряды

бортовых башен разорвались среди бочек с нефтью, и гонимые ветром клубы раскалённого дыма залили позиции зениток. Вслед за ними туда же врезались очереди из малокалиберных скорострелок. Тем временем носовые орудия били по стоящим на земле транспортникам.

Хотя палила только часть пушек, для расправы с застигнутым врасплох врагом их огня хватило. Серьёзный бой не выдержать – на борту, кроме «скорпионов», едва треть экипажа и охранявшего небесный порт гвардейского батальона. Прочие, узнав о смене власти, предпочли уйти. Рано или поздно уммаханцы обнаружат список команды и вырежут все семьи. Остались те, у кого близкие уже погибли либо заранее ушли на Аннабоне и сейчас вывозятся вендами. И ещё одиночки-авантюристы и некоторые выходцы из кочевых племён – у их жён и детей в пустыне паспортов сроду не водилось.

«Майдигири» поднимался над пылающим дымным полем. Ари смеялся: дядя будет доволен – такой погребальный костёр достоин самого короля Огбунигве! Боги майдигов тоже радуются и шлют новые жертвы. С соседнего аэродрома летят два стареньких истребителя. Одну жалкую букашку сметает с неба огненный шквал, второй прорвался и ударился в пустую кормовую башню, перекосив одно из орудий. Окажись столь же отважный воин за штурвалом снижающегося транспортника – мог бы пойти на таран и убить всех, но этот пытается сбежать, суетливо разворачивается и подставляет под носовые жерла контрминоносца корму с винтами.

Порозовевший на закате диск Отца осветил уходящий к горам «Майдигири», и корабль казался залитым кровью. «Скорпионы» и все свободные от вахты разошлись по кубрикам отдыхать. В рубке, кроме пилотов и навигаторов, остались двое – Ари и командир разведчиков, лейтенант Эгбейеме. Ближайший волчок откроется через три часа, и там их уже ждут корабли уммаханцев. Не страшно: патрули у всех волчков не будут держаться вечно, но куда податься? Лига на стороне Уммахана, предатели из Союза, отрёкшиеся от Ндумо, могут выдать... Ладно, пока пересидим, а там решим. Кстати, за бортом уже мало что видно, а убежище-то в горах, как бы не врезаться. Корабль длиной без малого в сотню метров не подходит для петляния между скал.

Пилот поднял контрминоносец выше и завис перед входом в ущелье. Ари был слишком осторожен, чтобы прямо так двинуть в заветную долину. Судя по скорости захвата столицы, предатели находились на самом верху, и на секретной базе могла ждать засада. Следовало осмотреться.

Катер с разведгруппой на борту почти бесшумно выскользнул из ангара и, освещая дорогу прожектором, полетел по ущелью. У поворота он сел, и дальше разведчики Эгбейеме пошли пешком.

Чутьё не подвело: на склоне горы, в десяти минутах ходьбы от места укрытия, обнаружили три костра. Чуть в стороне, беззащитно выставив винты, лежал катер, а из-за скалы виднелся другой, еле различимый во тьме. Между ними и кострами сустились люди. Почти наверняка либо повстанцы, либо просто бандиты. И тем и другим делать тут совершенно нечего, но подойдём поближе...

Устроились в гряде камней на склоне – оттуда поляна просматривалась, как на ладони. Ближайший катер, который грабят, вроде цел. Значит, не сбили, а сел сам. Интересно, что ему тут надо? Рядом неподвижно лежали несколько тёмных фигурок, другие деловито потрошили добычу. Удивительно, сколько полезных вещей может вместить в себя столь невеликое судёнышко. Вот свет костра упал на троих. Один в военной форме, другие одеты как попало, и все чернокожие. Что ж, каждый убитый враг обеспечивал президенту и другим погибшим лучшее место на пиру богов.

Растяп часовых Эгбейеме зарезал лично. Один как раз удачно отлучился по нужде, второй курил какую-то травку и не услышал бы под своим ухом даже слона. Остальные прожили немногим дольше. Взять в ножи пару десятков таких для неслышно подкрававшихся «скорпионов» проще, чем глупую курицу. Враги умерли, не сделав ни единого выстрела и даже не успев

понять, что происходит. Лейтенант добил последнего раненого, выпрямился и усмехнулся – в свете костра его оскал смотрелся особенно зловеще. Впрочем, и при свете дня длинный тощий Эгбейеме с физиономией, похожей на обтянутый кожей череп, выглядел истинным выходцем с того света.

– Всем, кто погиб и погибнет!

Он не мог назвать имён. Если кто-то из родных и друзей уцелел, упоминать его в числе мёртвых – дурная примета. Мысли прервал негромкий стон от дальнего костра. Там обнаружился связанный пожилой мужчина в хорошем костюме. Разведчик присел на корточки, разглядывая худое загорелое лицо. Перерезал ножом верёвки, протянул флягу с водой. Пленник благодарно кивнул и тут же начал растирать запястья, на которых уже проступили красно-синие полосы. Внимательно оглядел своих то ли спасителей, то ли убийц, но не сказал ни слова. Крепкий дедок.

Лейтенант присел на корточки, при свете костра раскрыл найденный в кармане старика паспорт.

– Арман Аваланд, гражданин Орлеани... И как мне с тобой говорить, если я вашего языка не знаю?

– Я знаю ваш, – неожиданно ответил незнакомец на его рассуждения вслух.

– Из посольства, что ли?

– Нет, коммерсант.

– Чем торгуешь, коммерсант? И как здесь очутился?

– Лекарствами. У меня лаборатория в Оквантунде, проверял там работу. Потом решил тут поохотиться. Когда началось, хотел улететь, но двигатель оказался испорчен, а проводник, которого я нанял, исчез. Пока починили, пришли эти, убили моих людей и весь экипаж...

– А тебя оставили, чтобы выкуп потребовать...

Продавец лекарств внимательно оглядел лейтенанта.

– Я вижу, что вы не бандиты, а солдаты. Помогите мне вернуться в Майдигири. Готов заплатить.

В столицу? Он что, ничего не знает? Впрочем, решать майору.

– Мы уходим, – сухо сказал командир разведчиков, поднимаясь. – Посмотри свои вещи в той куче. У тебя десять минут.

Аваланд уложился в три минуты. Пока бойцы грузили в катер всё ценное и тела его людей, он разыскал небольшой саквояж и сел рядом с Эгбейеме. Тот почувствовал, что торговец преподнесёт ещё не один сюрприз, и не ошибся. Едва услышав его фамилию, майор потребовал нежданного гостя к себе, и они уединились. Ариэль неоднократно видел, как господин Арман проходил в кабинет президента, и знал, что цены за свои препараты он заламывает не запредельные, справедливо планируя компенсировать их объёмом поставок.

– Ндумо был истинным подвижником! – расстроено склонил голову орлеанец. – За годы он сделал для Джамхиры столько, сколько иные не делали за века! Одно снижение детской смертности втрое чего стоит! Тень и вода его душе!

– Тень и вода! – повторил Ари, оценив такт собеседника. Любой уроженец планет Лиги сказал бы «мир и покой», но этот почтил память потомка вождей майдигов, как подобает в их народе.

– Вы начальник охраны и племянник президента, – продолжил Аваланд. – И насколько я понимаю, хотите уйти с планеты?

– Пока не получится, – хмыкнул Ариэль. – Мы, кажется, уничтожили новое правительство Джамхиры и немножко пошумели в Уммахане. В ближайшие дни нас будут ждать у всех волчков. Можем отвезти вас на катере к побережью, возле военной базы – так больше шансов остаться в живых. Или оставайтесь пока с нами, если возникнут вопросы, потом расскажете, что были в плену. Нам-то уже всё равно – каждый на несколько смертных казней дел натворил.

Аваланд улыбнулся в ответ.

– Мне нравится такой подход к жизни. Я дружил с Оджокву и обязан вам. В небесном порту Майдигири, в ангаре посольства Орлеании, стоит моя яхта. Катер, на котором меня привезли, без опознавательных знаков – отвезите меня на нём в столицу и потом улетите со мной. Путь из Майдигири к волчку на Либерталию проходит как раз над этими горами, и когда я подберу вас, никто ничего не заподозрит.

Ари нахмурился и задумался. Каким образом вежливо спросить столь почтенного господина: не прийдёт ли он сюда тысячу головорезов?

– Думаете: не обману ли? – опередил коммерсант, легко поняв мысли майора по выражению его лица. – Давайте так: переоденьте парочку своих людей в гражданское. Пусть сопровождают меня под видом уцелевших охранников и стреляют, если почувствуют подвох. Но поверьте – мне это совершенно невыгодно! И... ваши бойцы носят на форме эмблему со скорпионом. Так прозвали моего деда за точность финансовых расчётов и безжалостность расправ с конкурентами. Он не обиделся, а, наоборот, сделал скорпиона гербом нашей фирмы. Думаю, нас свела судьба.

Орлеанец не обманул. В следующую ночь роскошная, размером с небольшой пассажирский лайнер, яхта «Эдна» забрала всю команду Ираклиса и ушла к Либертали. Опустевший «Майдигири» подняли на километр и оставили в облаках. Когда баллоны с экзеприем остыли, корабль рухнул в ущелье и развалился на части, разбросав на месте крушения тела в форме президентской гвардии. Предусмотрительный Ари свёз на борт убитых бандитов и передел их, а прожорливые шакалы и крысы миглом обглодали останки. Когда уммаханцы появились на месте катастрофы, понять, что разбившихся всмятку предварительно прирезали, было уже невозможно.

*Линейный корабль «Заря Свободы». Между Джамхирой и Вендией*

Столь жуткого сна Воислав не видел никогда. Последнее предательство переполнило чашу терпения богов, и они выкачали весь воздух из вселенной, оставив лишь тонкую плёнку вокруг планет. Их обитатели видели звёзды, но добраться до них не могли. Экзеприй потерял силу и больше не поднимал небесные корабли. Люди беспомощно ползали по земле, поднимали глаза к страшному чёрному небу, покрытому сияющими точками, и молили богов о прощении. Тщетно: сколько можно прощать одни и те же грехи?

Проснувшись от ужаса, курсант кинулся к иллюминатору. Линкор уже вышел из волчка и снижался над зелёно-голубой Вендией. Выше сиял заполонивший без малого половину неба серебристо-серый шар Экзепра с величественным кольцом и спутниками вокруг.

Уфф! Приснится же такое! Мир оставался прежним, высшие силы не покарали людей, да их и нет, этих сил. Что к лучшему: существуй боги на самом деле, у них и вправду могло лопнуть терпение.

## Глава 4

### *Столица Орлеанин город Лютеция*

Капитан II ранга Кернон Дебёф в один день стал главным героем всех крупнейших газет Лиги. Теоретически военный трибунал министерства обороны – орган закрытый, посторонние на его заседания не допускаются, а журналисты тем более. Однако нашлась крыса, сливавшая в газеты ход каждого заседания суда над командиром лёгкого крейсера «Ламотт». И не просто сливала: главный поставщик скандалов – помойный листок *Peple Observie*, самый грязный в империи повелителя газет и эфирных станций Фостена Херстла, – выкладывал на своих страницах целые куски стенограммы!

Формально Дебёфа судили за превышение полномочий. По этому поводу газеты веселились, объясняя читателю, что столь странное обвинение выдвинуто потому, что юстиция не удосужилась придумать название для подобного фортеля.

Нет, превышение полномочий там налицо! Подсудимый (заметьте, не зелёный мальчишка, а разменявший четвертый десяток многодетный отец!) поднял корабль с базы, ушёл в волчок на Джалну и присоединился к уммаханскому флоту, дабы видом своих эмблем утратить наглых вендов. И ведь утратил!

Газеты Народного Союза в бессильной злобе писали, что некий катер с символикой Орлеанин расстреливал беженцев на подходе к гавани Майдигири. Их обвинения пропускали мимо ушей. Тел жертв нет, Дебёф всё категорически отрицал, а капитан Кастрел признал лишь, что пролетал над Джамхирой в Уммахан по поручению, которое не имеет права разглашать. И как раз на днище его катера обнаружены следы от пуль. Эти мирные беженцы – такие проказники!

... Молоденький помощник секретаря суда, пользуясь перерывом, изучал прессу. Высунив язык от усердия, обвёл два абзаца в солидной *Monday*<sup>21</sup>, напечатавшей интервью капитана. Отложил. Бегло глянул на главную столичную газету *Novelles Lutecia*<sup>22</sup> – ничего интересного. Взялся за *Peple Observie*.

– Зачем читаешь такую пакость? – брезгливо бросил проходящий мимо член трибунала. – Тоже мне, название – «Народный наблюдатель»! Вашего народа небось?

– Хочу понять, как наша работа отзывается в головах людей, – дипломатично не заметил намёка на свою альрамейскую физиономию юнец. – Суар генерал, разрешите вопрос?

– Ну давай! – Старый вояка любил обличать и наставлять, особенно всяких молокососов, которые почтительно смотрят в изрекающий истины рот под пышными седыми усами.

– Почему Дебёфа судят всего лишь за превышение полномочий, а не за измену? Он ведь нарушил присягу...

– К сожалению, нет! – процедил сквозь зубы генерал. – Не нарушил и даже почти не принёс ущерба. Разве что топливо казённое пожег, и мы с него, конечно, взыщем. Но кроме самоуправства и превышения полномочий, вменить мерзавцу нечего. Сколько полагается по этой статье, знаешь?

– До десяти лет тюрьмы, – пискнул паренёк петушиным срывающимся голосом. – В зависимости от последствий.

– Здесь никаких особых последствий нет, так что отделается пятёркой – в худшем случае. Хотя это и неправильно. За такое надо карать по всей строгости, иначе армия превратится в кабак. Понял, ушастик?

---

<sup>21</sup> *Monday* («Вселенная») – первая по тиражу газета Орлеанин. В отличие от скандальной *Peple Observie* считается чрезвычайно уважаемой.

<sup>22</sup> *Novelles Lutecia* («Новости Лютеции»).

– Понял, спасибо! Сейчас запишу даже. Вы так хорошо объясняете – лучше, чем наши преподаватели.

– Мы, армейские, вообще умнее штафинок. Потому что строем ходим!

Басовито заржав собственной шутке, ветеран удалился обедать. Шестнадцатилетний студент Высшей юридической школы, которого папа, известный адвокат, пристроил подработать на каникулах в суд, снисходительно глянул ему вслед. Хотя орлеанцы и не дикари, вроде вендов и джалнутов, но в большинстве так же глупы и падки на лесть!

В животе требовательно бурчало, но сегодня придётся обойтись мамочкиными бутербродами. Пока прочие мелкие судебные клерки толпятся в столовой, он законспектирует объяснение и помчится передавать надыбанное в редакцию скандального «Наблюдателя». Адвокат Ламвракис хотел, чтобы сын пошёл по его стопам, но самому Мойзесу юриспруденция казалась пресной. Его влекло ремесло журналиста. В нём блеск, острота и азарт, который едва ли не с пелёнок кипел в душе тщедушного альрамейского парнишки.

*Республика Орлеания. Заповедник «Лагорташ». Охотничий клуб «Один выстрел»*

Убивать зверей люди начинали ради добычи мяса. Постепенно охота на зайцев или уток стала развлечением, а на тигра – опасным спортом. Страстным хотником был сам основатель последней династии орлеанских королей Лотар I. Сейчас же им может оказаться и сельский пьяница, которому, не продав дичи, похмелиться не на что, и городской банкир, выезжающий к заранее высмотренному оленьему стаду со свитой из егерей, псарей и поваров. И ещё свихнувшийся на старых временах экстремал, выходящий на кабана с копьём и кинжалом.

Зато охотничий клуб понимается только одним образом: как место, где могут провести выходные богатые люди. Если говорить о клубе «Один выстрел» в знаменитом орлеанском заповеднике «Лагорташ» – то очень богатые. Как его основатель – эксцентричный великосветский спортсмен Арман Аваланд, в молодости побившийся о заклад, что войдёт в заповедный лес с ружьём и единственным патроном, а вернётся с медвежьей шкурой. Аваланд выиграл. Правда, поднятого егерями медведя он лишь ранил, и пришлось добивать ножом, но условия пари этого не запрещали.

Поляна между тремя холмами, где пал зверь, приглянулась победителю, и он её выкупил. Чтобы стать членом клуба, требовалось ежегодно платить солидный взнос и повторить достижение основателя, завалив с одного выстрела любого крупного хищника, могучего слона или свирепого кабана-секача. Не решавшиеся на столь рискованную охоту могли вступить, пополнив клубную коллекцию оружия. Настоящего, разумеется, – негодные для убойной стрельбы игрушки, хотя бы и разукрашенные золотом и слоновой костью, не принимались.

Неудивительно, что военных промышленников в «Одном выстреле» состояло немало. Да и генералы не отставали – на их складах порой обнаруживались редчайшие стволы. Например, нарезной мушкет гвардии Императора-Первосвященника Хинтерланда, который презентовал клубу один из тамошних фельдмаршалов.

Вопреки репутации «солнечного мальчика»<sup>23</sup>, Аваланд не посрамил чести семьи. Зарабатывал он в основном на рынке фармацевтики, не брезговал финансовыми спекуляциями и удачно вкладывался в недвижимость. И ещё охотно выступал в качестве консультанта и арбитра воинственных соклубников.

Не потерял он и вкуса к битвам с зубастой добычей и путешествиям по опасным уголкам едва ли не всех известных планет. Спортивную форму поддерживал на зависть молодым. Спроси человека со стороны, кто из двух солидных господ, развлекавшихся метанием дротиков в мишень с медвежьей головой, боевой адмирал, он без колебаний указал бы на стройного и загорелого, с аккуратной подстриженной седой бородкой. И угодил бы пальцем в небо. Начальником штаба орлеанского небесного флота являлся низенький толстячок, а его партнёром как

---

<sup>23</sup> Сын богатых родителей, которому деньги даются без труда.

раз Арман Аваланд собственной персоной. Впрочем, дротики оба кидали ровно метко, а вступая в клуб, тогда ещё контр-адмирал Кастрел своего медведя первой пулей таки прикончил. Хотя и не столь матёрого, как уложенный создателем «Одного выстрела».

Орлеания совестила очередной оборот вокруг Экзебра – и огромный, едва ли не на полнеба серебристо-серый диск закрыл Отца и Мать. Ежесуточное двухчасовое затмение – короткая ночь – положило конец состязанию, и оба игрока направились к дому.

– Ну как? – поинтересовался Аваланд. – Разобрался со своим красавцем?

– Разобрался... – сквозь зубы процедил адмирал. – Когда бы не жена... лично сорвал бы погоны с придурка!

Если газеты Народного Союза так и не предъявили расстрелянных беженцев, то улики командования уммаханской армии оказались куда весомее. В его заявлении фигурировали и мёртвая женщина, и тела троих джамхирских военных в форме роты «скорпионов», и обгоревшие трупы пяти уммаханцев. И что хуже всего, свидетельские показания ещё шестерых, описавших, как кретины на орлеанском катере, гоняясь за джамхирцами, прикончили их товарищей.

После внутреннего расследования, неопровержимо доказавшего вину Кастрела-младшего, уммаханское командование удалось уговорить отказаться от претензий, но каких денег это стоило! Родственникам сгоревшей пятёрки достались крохи, зато изрядно нажился начальник гарнизона Огдомошо, любезно предложивший свои услуги в качестве посредника.

В любом случае, раскошелиться пришлось Кастрелу-старшему. Точнее, вошедшим в его положение щедрым приятелям по клубу. Они знали: адмирал всегда платит по счетам и с лихвой вернёт всё через военные заказы. Особенно теперь, после получения новой высокой должности.

Вручая приятелю пачку купюр, Аваланд сердобольно посоветовал ему вправить мозги сыну. Вправил, конечно, – лично отлупил засранца папкой с делом по смазливой физиономии. Понимая, впрочем, что толку не будет. Разве что сам шею свернёт, как едва и не случилось при налёте джамхирцев на Огдомошо. Не успеет сынок улететь раньше – и костей бы не осталось!

– Не хочу лезть в чужие дела, – уже входя в дом, заметил Арман, – но поверь моему опыту, дорогой Фернанд: не дашь птенцу окорот, подставит всё гнездо.

– Как его окоротишь... – вздохнул адмирал.

Магнат лишь пожал плечами, но его глаза неприятно блеснули. Кастрелу вспомнились слухи о семье самого коммерсанта. В частности, история с его старшим братом, который страстился к карточной игре и вскоре после крупного проигрыша погиб на охоте. Наследником отцовского бизнеса стал человек, с которым он разговаривал сейчас, и, более чем вероятно, на курок нажал тогда он, а не осуждённый егерь, получивший неожиданно небольшой срок и вскоре после освобождения бесследно исчезнувший... Воистину, скорпионы!

...Главный зал охотничьего домика был обставлен в полном соответствии со вкусом хозяйина. Над камином царил голова того самого, дорезанного Аваланда в молодости, косолапого, судьба которого и дала название клубу. На правой стене висел портрет деда Армана, который, собственно, и основал семейную финансовую империю, напротив – барельеф, изображающий скорпиона.

Арман герб сохранил, но стиль ведения бизнеса слегка поменял. В животном мире его можно было сравнить скорее со слоном. Слон – существо по жизни мирное, без крайней необходимости не дерётся, однако, когда идёт по джунглям, всё живое старается убраться с его пути. Оттого, что тебя раздавят не из злого умысла, а просто не заметив, ничуть не легче.

Остальное пространство стен занимали головы охотничьих трофеев – от волков и рысей до мамонтов и носорогов, а также картины и гравюры на охотничьи темы. Одни стоили миллионы, другие были куплены за бесценок, но нравились хозяину. На полу медвежьи и тигриные шкуры. По углам старинные доспехи, в которых насмерть рубились мечами и секирами пра-

щурь некоторых из именитых охотников. И, конечно, всюду шкафы и стойки с легендарной коллекцией оружия, последний экспонат которой, новейшая автоматическая винтовка компании Le Gua, сейчас и обсуждался.

– Прекрасна, как ваша супруга, Дайрен, но сложновата, – заметил высокий генерал, слегка прихрамывавший после неосторожного приближения к раненому тигру. – Сто тридцать семь деталей, из них девятнадцать пружин! Солдаты замучаются разбирать и смазывать такое хозяйство, а после отказа хотя бы одной железки оно годится разве что в качестве дубины!

– Винтовка предназначена для элитных подразделений, их бойцы отлично обучены, да и с ружейными мастерами в спецвойсках проблем нет, – защитил своё изделие Дайрен Ле Гуа, один из ведущих оружейников Либерталии и самый молодой из собравшихся. – Ну и для правительственной охраны, а уж в ней с обслуживанием стволов все в порядке.

– Разве что... – согласился Кастрел. – Я не специалист, но думаю, что он может пригодиться и снайперам.

– Совершенно верно! – радостно подхватил оружейник. – Как видите, здесь легко крепится оптический прицел. Поэтому годится и для телохранителей президентов, и для армейцев.

– Надеюсь, вы не привезли сюда эту гадость? – поморщился, подходя, Аваланд.

Использовать оптические прицелы в клубе считалось неспортивным – зверю надо дать хоть какой-то шанс.

– Ни в коем случае! – рассмеялся Ле Гуа. – Оптика – исключительно для людей. Жаль, что на крыше напротив здания трибунала не оказалось стрелка с моей красавицей. Тогда недоноска Дебёфа уже жарили бы на адской сковородке!

*Столица Орлеанши город Лютеция*

«Недоносок» тем временем поднялся со скамьи подсудимых. Тюрьма пошла на пользу его фигуре – живот почти исчез. Голубой мундир без позументов и знаков различия прекрасно оттенял бледное лицо. Глаза из-под очков смотрели прямо, голос не дрожал, слова лились вольно и цветисто. Кто бы мог подумать – у офицера, всю жизнь изъяснявшегося исключительно по уставу, вдруг открылся талант оратора!

Обвинителю патетика пришлась явно не по вкусу, зато Мойзес, который вёл протокол, пребывал в полном восторге. И даже втихаря подложил под лист бумаги второй, а между ними копирку. Копию продал в газету, копирку с выражением зачитал родителям за ужином. Госпожа Ламвракис аж прослезилась от умиления, а её супруг лишь молча улыбнулся в короткую аккуратную бородку. Некоторые тексты для подсудимого сочинял именно он, и ведь неплохо вышло, чёрт возьми! Неудивительно, что сын, не имея журналистского образования, столь бойко строчит пером! Наследственный талант налицо! Да и кровь умнейшего народа вселенной не шутка!

– С какой целью корабль прибыл к Джалне?

– Присоединиться к флоту Уммахана и от имени Лиги заявить, что мы не допустим подавления Народным Союзом революции в Джамхире. Тиран Ндумо не смог справиться с бурей народного гнева, и его свержение обошлось малой кровью. Однако вмешайся Союз, погибли бы десятки, если не сотни тысяч невинных, среди которых женщины, дети и старики. Я солгал во имя их спасения, и блеф удался – венды ушли.

– Речь не о вашей лжи. С нарушением заповедей – к священникам. Речь о самоуправстве, недопустимом превышении полномочий, оставлении места службы. Или вам всё же кто-то отдал приказ о перелёте к Джалне?

– Никто не отдавал! – гордо вскинул голову подсудимый. – Я действовал по собственной инициативе. Бывают минуты, когда нельзя ждать приказа, а надо действовать во имя спасения жизни. Разве станешь дожидаться команды, если идёшь мимо горящего дома, из которого слышны крики о помощи?

– На следствии офицеры «Ламотта» показали, что вы сослались на секретное распоряжение командования Объединённого флота Лиги мирного неба.

– Я обманул их, за что прошу у всех прощения, – бывший капитан повернулся к сидящим в зале офицерам крейсера и кротко склонил перед ними голову. – Я не был уверен, что они меня поймут, и не мог рисковать. Народ Джамхиры молил о спасении, и, если власти оказались глухими к этим мольбам, оставаться в стороне было бы нарушением всех божеских и человеческих законов.

– Капитан, мы с вами! – Пылкий мичман Мерикур даже вскочил с места. Его поддержали, и председатель судебной коллегии, вице-адмирал Небесного флота, с трудом восстановил порядок.

– Радист показал, что получил зашифрованное сообщение от командующего эскадрой, в которую входил «Ламотт», – присоединился к допросу седоусый генерал, ранее просвещавший юного Мойзеса. – Что в нём содержалось?

– Немедленно покинуть зону возможного столкновения флотов Народного Союза и Уммахана. Затем идти к ближайшему волчку, идущему к одной из планет Лиги.

– Что вы сделали, услышав столь ясный приказ?

– Послал под видом ответной шифровки бессмысленный набор букв и цифр. После чего сообщил всем находившимся в рубке, что в сообщении сказано: перейти к режиму полного молчания и отключить внешнюю связь.

– То есть вы вторично солгали. С какой целью?

– Выиграть время. Пока в штабе будут разбираться, ситуация могла бы разрешиться. Так и произошло. Трусливые венды, поджав хвосты, убралась в свою берлогу. Вторжение не состоялось, люди не погибли.

– Вы нарушили присягу! – Для полного сходства с аллегорическим изображением смерти третьему члену трибунала, высохшему генералу авиации, не хватало только косы. – В военное время за такое ставят к стенке!

– Я нарушил всего лишь воинскую дисциплину, но не присягу, – мгновенно возразил побелевший, но не потерявший присутствия духа Дебёф, – поскольку не принёс ни малейшего вреда своему флоту и своей стране. Можете меня расстрелять – я с радостью отдам свою жизнь за тысячи других. Верю, что все честные граждане и сама история меня оправдают. Прошу только об одном: не наказывать моих подчинённых! Клянусь, никто из них не сомневался, что выполняет приказ командования!

*Республика Орлеания, охотничий клуб «Один выстрел»*

При упоминании имени командира «Ламотта» каминный зал накрыло угрюмое молчание. Хитроумнейшая комбинация кончилась ничем, а как всё долго готовилось и как хорошо начиналось!

Толчком послужил неотвратимо подступающий топливный кризис. При нагревании летучка понемногу испарялась даже из герметически закупоренных ёмкостей на кораблях – их приходилось заполнять снова. Разведанные запасы природного экзеприя неумолимо уменьшались, а синтезированный из воды и атмосферы стоил слишком дорого. Проблему следовало решать. Интересы воротил оружейного и сырьевого бизнеса, а также связанных с ними банкиров, совпали, и они начали действовать на опережение.

За последние два года сторонники войны получили решительный перевес во всех правительствах стран Лиги. Уммахана убедили подождать с вторжением в Джамхиру до нужного момента, и дальше всё пошло, как по маслу. Президент Ндумо, согласно договору, обратился за помощью к Народному Союзу. В момент прибытия его эскадры президента свергли. Новое правительство мгновенно разорвало договор с Союзом и призвало на помощь Уммахана.

Даже если занятые высадкой венды узнают о перевороте, это ничего не меняет. Договор может отменить только законный преемник международно-признанного президента, а не набе-

жавшие из пустыни бандиты! Высадка продолжается, и венды штурмуют Майдигири. Затем в события вмешивается уммаханский флот, и после неизбежного удара по нему действия Союза получают статус агрессии. Лига выступает на стороне Уммахана, вместе они громят вендов и получают приз – планету Тоггарея, часть Народного Союза, имеющую в своих недрах половину мировых разведанных запасов экзеприя. Если врага удастся разбить наголову, её можно оттяпать по праву победителя, если победа окажется менее решительной – добиться концессии на месторождения.

Арман считал план, в целом, неплохим, хотя и находил, что данная военная хитрость требует совсем уж ювелирного расчета, а в таких случаях всегда приключается какая-нибудь гадость. Она и случилась, причём не одна. Проплаченные противники Ндумо неожиданно поднялись раньше, чем ожидалось, когда флот Лиги ещё готовился к вторжению. В принципе, ничего страшного, только сам Аваланд едва не погиб.

Нет, решение вывезти материалы биологической лаборатории в Оквантунде было правильным (мало ли к кому они могли попасть в начавшейся заварухе), но зачем самому-то на Джалну лезть! Думал, мятеж начнётся вовремя, решил заодно развеяться, пострелять горных козлов, и в итоге едва не стал дичью!

Зато другая пакость оказалась поистине роковой. На подходе к Майдигири навстречу вендам вылетел свихнувшийся Дебёф на своей посудине с эмблемой Лиги. Эскадра Союза остановилась, командующий начал советоваться со Светлогородово, узнал о падении Ндумо... И в итоге вендские корабли улетели без боя, так и не дав Лиге шанс начать войну.

Сколько сил и средств потрачено на выборы, на подкуп влиятельных членов Совета Мудрейших, чтобы атаковали Джамхиру вовремя – и какой-то придурок спугнул вендов, утопив грандиозный план в деревенском нужнике!

– Ну, может, всё и к лучшему, – проскрипел с кресла-каталки один из старейших членов клуба. Владелец ведущего оружейного концерна Орлеани, выпускавшего все, от кораблей до пушек, давно отошёл от дел, передав корпорацию наследникам, но к нему по-прежнему прислушивались, хотя сыновья сами уже имели взрослых детей, а старший недавно второй раз стал дедом. – Нет, сама идея мне нравится. Слишком много чести для вендов – монополю владеть Тоггареей. Она и досталась-то им потому, что никому не была нужна. Кто ж тогда знал, что в том холодильнике столько летучки? Но воплощение... Я вот не уверен, что мы непременно победили бы.

– Что за ерунда, Перфон?! – возмутился Кастрел. – Что здесь «лучшего»?

– Планчик-то выходил весьма авантюрный!

– Почему? У Лиги сейчас свыше шестидесяти линкоров, да ещё у Уммахана около десятка. У вендов нет и пятидесяти, а уничтожь мы эскадру над Джалной, осталось бы всего треть сотни. И вы ещё сомневаетесь в победе?

– Я бы не сомневался, побеждай вы, вояки, исключительно числом, – невозмутимо ответил столп орлеанской торговли смертью. – Но есть и другие факторы – например, талант полководца. Или вы забыли начало Второй Великой войны, когда флот хинтерландского узурпатора Рогера Шендорфера разбил по частям и нас, и вендов? Это не говоря о боях на земле: у тех, кто обороняется, численное превосходство над десантом и, сверх того, короткие линии снабжения. Вы уверены, что они, находясь на своей территории, рядом со своими заводами по выпуску вооружения и боеприпасов, не перемелют армию вторжения на фарш?

– Зачем же вы влезли в дело, если считаете его авантюрой?! – с издёвкой спросил адмирал.

– Так я-то в любом случае не внакладе, – пожал плечами патриарх из каталки. – У вендов нет своего Шендорфера, и даже провались наше наступление, до контрудара и ответной оккупации дело не дойдёт. На планетах Лиги отмеченные мною факторы будут работать уже в пользу обороняющихся. Значит, прибыль от продажи оружия обеспечена при любом раскладе.

Но теперь, по вине идиота Дебёфа, ожидаемых поставок не будет, а наш друг Арман не сможет исцелять раны доблестных воинов.

– И это странно... – ни к кому не обращаясь, заметил Аваланд.

– Что не сможете исцелять?

– Нет, что Хрноевич испугался одного крейсера.

*Столица Народного Союза и республики Вендия город Светлогородово*

Старейшина Народного Веча Союза и председатель Центрального Комитета Народно-Революционной партии носился по кабинету от окна к стене и обратно. Именно в таком состоянии он и напоминал взбесившегося хряка, с которым Неманю Хрноевича любили сравнивать недруги. Пнул ногой стол. Ушиб палец, расвирипел ещё больше и выматерился. Швырнул на длинную столешницу из красного дерева едва дочитанный доклад – папка пролетела на другой конец и упала на пол. Поднял и затряс ею перед лицом сидящего старика. Столь любимая карикатуристами Лиги знаменитая лысина приобрела опасно-багровый оттенок, но министра иностранных дел цвет не впечатлил. Как, впрочем, и брань хозяина лысины.

Министр рос в лесном лагере, засыпал под взрывы снарядов, сиживал на коленях прославленного командира партизан Вендии, создателя Народного Союза маршала Брезана Кордича, и уже тогда прославился на весь мир. Военные журналисты наперебой с умилением фотографировали крохотного пацанчика в пилотке, едва удерживавшего в ручонках пистолет или гранату. С той поры прошло больше семидесяти лет, жить старцу оставалось недолго, он и смерти не боялся, не то что опалы. Потому и равнодушно смотрел на орущего толстяка, которого помнил ещё мелким чиновником, взхлёб докладывавшим начальству о росте урожая. Перевёл взгляд на стену над столом начальника. Портреты маршала и второго вождя Союза – бывшего маршальского адъютанта, усатого Любомира Бортича, взирали на преемника даже с некоторым презрением...

– Как это прикажешь понимать?! Вы мне что докладывали?! А что оказалось?! Какой-то говнюк угнал корыто, помаячил перед нами значком Лиги, и теперь их журнашлюхи над нами глумятся! Вот, смотри! «Доблестный флот Союза, поджав хвост, побитым псом уполз в свою конуру...» Разгоню к чертям всю вашу контору со всеми её древними пердунами. Найму студентов – результат тот же, а воздух чище. И вместо генералов с адмиралами поставлю толковых сержантов! Бездельники! Дармоеды!!

Хрноевич ещё какое-то время ругался, бегал по кабинету и потрясал кулаками, но глотка не железная, да и пузо тяжёлое – выдохся. Престарелый сын партизанской бригады, кряхтя, встал (колени совсем негодные стали), без спроса открыл бар и налил себе рюмку виньяка<sup>24</sup>, который разлили по бутылкам ещё до его рождения.

– Проорался? – без всякого почтения спросил он. – Тогда давай смотреть, какие у нас есть факты. Итак, ты меня вызвал из-за того, что Келечич сообщил об орлеанских кораблях на Джалне...

– Именно что кораблях, – фыркнул Неманя. – А не об одном паршивом крейсеришке!

– Именно о нём, с оговоркой, что, возможно, есть ещё несколько. Точнее он знать не мог – небо велико. Я немедленно связался с Лютецией и потребовал разъяснений. Текст эфиропрограммы в докладе. Там же ответное сообщение о том, что Орлеания, а с ней и вся Лига приняли решение вступить в конфликт на Джалне в качестве миротворческих сил и гаранта невмешательства во внутренние дела Джамхиры.

Кроме того, сразу же после подхода эскадры Союза Ндумо убили, и пришедшие к власти мятежники заявили о разрыве договора между нашими странами. Ндумо якобы назначил своим преемником командира президентской охраны. Даже если это правда, такой указ противоречил конституции и, следовательно, не имел силы. А работать карателями у несуществующих

<sup>24</sup> Крепкий алкогольный напиток, аналогичный коньяку. В нашем мире выпускается на Балканах.

щего уже правительства мы не нанимались. По совокупности всех обстоятельств ты дал приказ уходить, а остальные согласились, хотя военные и ворчали. Что здесь не так?

– То, что никаким флотом Лиги там даже не пахло! Только какой-то психованный офицерик...

– Не только. Ещё эфирогарма. Это, между прочим, прямой министерский канал, а не гонец на лошади, которому можно подлить пива со снотворным в попутном кабаке. И обрати внимание на обвинение. Будь Дебёф просто романтическим дураком, который вообразил себя рыцарем, протыкающим копьём многоглавого змея, он бы превышением полномочий не отделался. И я отдам любой из оставшихся у меня зубов за то, что скоро он окажется в кругу любящего семейства.

– Пусть так! – Хрноевич бессильно обмяк в кресле, напоминая уже не злобного свина, а мирный и слегка обвисший воздушный шарик. – Но тогда объясни мне: зачем Лиге понадобилось чистить зубы через задницу? Если они хотели войны – почему не напали? Если желали, чтобы мы ушли от Джалны, почему не выслали эскадру с реальными полномочиями?

– Не знаю, – столь же устало вздохнул министр. – Для того у нас есть разведка. Вот пусть и выясняет...

Старик медленно шёл по коридору. Беспорядочные метания Хрноевича давно стояли ему поперёк горла. Сперва поддержал захват Уммаханом бывших колоний Лиги на Джалне – получил там в ответ резню сторонников Народного Союза. Попытался договориться с Лигой против Уммахана – и в итоге поссорился со всеми вообще. За исключением Джамхиры, которую только что сдал. Не меньший список претензий был у военных, промышленников, да и у простых обывателей.

Бесконечные поездки по республикам и областям, когда первое лицо учило рабочих точить детали, крестьян выращивать пшеницу, а художников – писать картины. Глупейшая война с почти задушенными частными кафе, ателье и магазинчиками. Ещё более идиотская борьба с молодёжной модой и музыкой. В противостоянии вождя с недовольными соратниками министр иностранных дел, как и большинство его сверстников, пока соблюдал нейтралитет, но ныне ситуация изменилась. Третий в истории страны глава выставил свой народ на посмешище.

#### *Столица Орлеании город Лютеция*

...За окном в очередной раз зашумели. Несколько сотен взбудораженных борзописцами зевак целыми днями толпились у здания Генерального штаба, в одном из крыльев которого пребывала военная юстиция. Стены из тёмно-красного гранита в сочетании с колоннами и лестницей из чёрного мрамора одним своим видом навевали мысли о самом суровом приговоре. Опасаясь беспорядков, власти окружили Генштаб плотными цепями полиции и даже пригнали пару броневиков, но толпа склонности к буйству не проявляла. Преобладали сдержанный гнев и благородная скорбь.

Полная женщина со следами слёз на сильно накрашенном лице и тремя детишками по бокам давала интервью сразу доброму десятку корреспондентов.

– Мой муж самый храбрый, самый честный и самый добрый человек в мире! Он всегда возмущался: почему мы не вступимся за народ Джамхиры? Почему не поможем свергнуть тирана? Разве миссия Лиги мирного неба не в том, чтобы защищать слабые народы, жертвы агрессии?! Кернон так говорил и так сделал. Мы любим его и останемся с ним, что бы ни случилось!

Госпожа Дебёф приложила платочек к глазам, младшие дети прижались к ней и заревели, старший выпрямился и срывающим голосом гордо бросил: «Я буду, как папа!» Зашёлкали фотоаппараты. После смерти Ндумо тема Джамхиры уже подвыдохлась – и тут такой подарок!

Комната совещаний выходила окнами на улицу. Председатель судебной коллегии тоскливо оглядел коллег. Они давно пришли к единому мнению: в военное время наглеца следовало бы поставить к стенке, а в мирное, то есть сейчас, посадить лет на пятнадцать минимум.

Коли каждый капитанишка начнёт рулить государственной политикой, получится не военный флот и даже не пиратская шайка – у небесных разбойников порядки куда суровее: за неповиновение – сразу за борт. Если над планетой, виновный разбивается в кровавую кляксу, если в волчке – и ошмётков не остаётся. Как жаль, что мы не на пиратском корабле!

*Республика Орлеания, заповедник «Лазорташ». Охотничий клуб «Один выстрел».*

– То есть как – почему испугался? – удивился Кастрел.

– Я человек невоенный, – продолжал Аваланд. – Объясните мне один нюанс, Фернанд. Вы – командующий флотом, собираетесь переведаться с Уммаханом и обнаруживаете корабль Народного Союза. Один. Ваши действия?

– Как положено, – вбитые в голову курсанта Кастрела пункты устава впечатались намертво и остались в неприкосновенности, когда хозяин головы дорос до высших чинов. – Доложить министру обороны. Он доложит президенту. Президент свяжется с их... как его там... старейшиной Союзного Веча и спросит, что за ерунда творится.

– Хрноевич ответит, что никакого корабля туда не посылал. И что дальше?

– Мне придёт приказ: выполнять боевую задачу.

– Правильно. Вот и вопрос: что заставило вендов зачехлить пушки и убраться?

– Узнал про переворот и струсил, – пожал плечами флотоводец. – Испугался войны с Уммаханом.

– То есть, когда он посылал корабли на Джалну, не боялся. Хотя и тогда война была вполне реальна. А тут вдруг испугался... Какие они пугливые, эти венды. И какие последовательные...

Наступившая тишина была красноречивей любых слов. Аваланд подбросил пару поленьев в камин, несколько секунд полюбовался на вспыхнувший с новой силой огонь, поднялся и подошёл к бару.

– Вы что-то знаете, – подал голос Ле Гуа. – Так говорите же!

– Что ж делать... Когда пасуют секретные службы, их место приходится занимать скромному фармацевту.

Арман открыл новую бутылку золотистого вина, не торопясь, перелил его в изящный, в виде фигуры лебедя, кувшин, чтобы дивный напиток продышался, и лишь тогда продолжил:

– От вендов на самом деле поступил запрос, на который мы ответили, как положено – что никаких кораблей к Джалне не посылали. Но шифровальщик, передававший ответ нашему посольству в Светлоградово, помнит эту депешу и клянётся, что её содержание совершенно обратное: корабли Лиги посланы к Джалне, чтобы защитить революцию на Джамхире от вендской агрессии. Телеграмма могла поменять смысл на единственном участке пути – от секретариата министра в шифровальный отдел. Курьера министерства, который её нёс, найти не удалось. Как сквозь землю провалился вместе с семьёй. Полиция и контрразведка их, конечно, ищут, но кажется мне, что не преуспеют...

Зато для нашего друга Дебёфа всё складывается прекрасно. Уверен, что он выйдет на свободу из зала суда и скоро заработает больше, чем мог бы за всю беспорочную службу. Издательство Херстла уже предложило ему написать мемуары о полёте к Джалне, и обещанный гонорар впечатлил даже меня. И это, думаю, только начало... Вы спросите, почему я так в этом уверен? Потому что вынести столь мягкий приговор приказал сам президент – под угрозой публикаций о земельных спекуляциях родственников его чрезмерно энергичной супруги...

– Кто же мог повернуть такое? – мрачно спросил либерталец. – И главное: в чьих интересах одновременно сорвать наши планы и публично унижить вендов? Если первое более-менее ясно, исходя из участия в деле, тесно связанного с альрамейскими банкирами, Херстла, то цель операции для меня остаётся загадкой...

Аваланд безрадостно улыбнулся.

– Есть известный анекдот. Стоят на вершине холма два быка – молодой, почти ещё телёнок, и старый. Внизу пасётся стадо коров со своим быком. Молодой говорит: «Давай быстро сбежим с холма и, пока тот бык не видит, поимеем по коровёнке!» – «Нет! – отвечает ему старый. – Мы спустимся медленно, не теряя сил. Потом завалим того быка и поимеем всё стадо!»

– Это вы к чему? – удивился адмирал. Его приятель не успел ответить, как с кресла на колёсах раздалось скрипучее хихиканье.

– Браво, Арман! – Перфон пришёл в такой восторг, что даже несколько раз хлопнул в костлявые ладони. – Хотя и обидно сознавать, что мы тут оказались телятами...

*Республика Кандиана, загородный дом Белацеля Оназиса*

Кто из нас в детстве не играл в дикарей, не бегал по лесу, размахивая самодельным копьём, и не строил шалаш, в котором скрывался от вражеского племени пацанов из соседней деревни? Но когда тебе за тридцать, заниматься подобными архитектурными изысками несколько странно. Если же ты ещё и возводишь шалаш посреди гостиной, то свидетели такого развлечения немедленно побегут за психиатром. Даже застав за строительными работами недавнего посла Кандианы в Джамхире, достопочтенного Натаниэля Оназиса.

Однако дядюшка Белацель, в особняке которого и трудился внучатый племянник, строго придерживался традиций. Причём вопреки собственному нашумевшему манифесту «Финал великой игры», предрекающему грядущее уничтожение государств и смешение народов. Не зря судьба альрамейского народа в книге ненавязчиво обходилась. Ну, так это сущая мелочь по сравнению с грядущим всеобщим счастьем жить в едином мире, без войн и тиранов! Как жили в древнюю эпоху раскинувшиеся по планетам вокруг двух солнц альрамейские колонии, мудро управляемые богатейшими торговцами и священниками Отца, Матери и Экзепра.

Тем более, узреть эту пору прекрасную не придётся никому из ныне живущих. Разве что едва родившимся наследникам многолюдного клана Оназисов. Обряды же альрамейской веры надлежит соблюдать самым тщательным образом во все времена. И стоит только кому-то из родственников заглянуть к патриарху в один из пяти Дней Изгнания, от строительства не увильнуть. Затем хозяин и гости предаются в символизирующем скитания шалаше скорбным воспоминаниям и ритуально вкушают скудную пищу беженцев – завёрнутые в лепёшку овощи и травы, для каждого дня свои. Запивается трапеза исключительно простой водой, куда в последний, пятый день, и только тогда, бросается тоненькая долька горько-кислого лимона. Потому что в священном писании альрамеяев сказано: исход сей последний – и другим не бывать!

День первый посвящён исходу с Олимбиса на Нумацию, когда в прародину первооткрывателей полётов к иным мирам врезалась коварная блуждающая планета. Второй – бегству в будущий Хинтерланд – после того как Нумацию захватили и нарекли Джалной свалившиеся из глубин мира джалнуты. Третий – переселению в Орлеанию: императоры-первосвященники Хинтерланда стали притеснять чрезмерно разбогатевшую и усилившуюся альрамейскую общину. Предлог – обвинение в убийстве Экзепра альрамейским мельником!

Чудовищно: но в подлый навет многие верят до сих пор! Хотя именно альрамеи принесли варварам свет истинной веры, а Экзепр на самом деле вознёсся в небо невредимым. Ибо бога убить невозможно!

День четвёртый – память о переправе в Рангстаад во время Орлеанской революции. Вырезав аристократию, бунтующая чернь не пощадила и придворных ростовщиков с откупщиками. Заодно досталось и простым альрамеям – разумеется, кроме тех, которые оказались среди главарей черни.

Вернулись беглецы, когда протектор Кромвьёрт навёл в Орлеании порядок, но век спустя её вместе с Рангстаадом захватил хинтерландский диктатор – канцлер Шендорфер. Его правление, убийство и кровавую грызню наследников пришлось пересидеть в Кандиане. Многие из

оставшихся до освобождения не дожили. Хотя тирана застрелил венд Мирко Обрев, виноватыми, как всегда, сделали избранный народ.

Старейший из рода Оназисов – один из богатейших людей мира, но чужд показной роскоши. Его вилла смотрится скромно на фоне дворцов магнатов, которые считают за великую честь переступить её порог. Однако гостиная, в которой Натаниэль сейчас приспособливает очередную перекладину шалаша, великолепна. По приказу хозяина над комнатой убрано перекрытие между этажами, и потолок оказался на высоте без малого десятка метров, напоминая небесный свод.

Сходство усиливается росписью. Тут и Отец с Матерью, и Экзепр со всеми спутниками, и Джална, и звёзды, вокруг которых вращаются Кандиана и Тогтарея, а в дальнем углу даже зазеленевший Олимбис. Стены тоже расписаны – сценами истории альрамеев, где эпизоды богатства и могущества перемежаются картинами бегства и скорби. Давным-давно, когда маленький Натаниэль приходил сюда с дедушкой и бабушкой, он очень любил рассматривать фрески, хотя это было нелегко. Чтобы изучить всё, приходилось брать лестницу на колёсиках и перекатывать её вдоль стен, то поднимаясь, то спускаясь по ступенькам.

«Путь к знаниям не должен быть лёгким!» – говаривал двоюродный дед родному, с улыбкой глядя на внучонка, пыхтящего, как маленький паровозик. Зато никогда не уставал отвечать на его бесчисленные вопросы, а потом угощал вкусными пончиками с начинкой из фруктов и орехов. Пончики символизируют головы врагов альрамейского народа, которые пытались ему вредить и понесли справедливое наказание.

Сегодня день Первого Изгнания, а потому пончиков не предвидится. Только лепёшки с укропом, базиликом и салатом древних сортов, семена которых вывезены с Олимбиса. Хорошо, хоть части хижины не приходится связывать гибкими ветками, как в древности! При всей приверженности обычаям Белацель – человек современный, и шалаш у него соответствующий, похожий на огромный детский конструктор. Потому внучатый племянник собирает его легко, тем более, не в первый раз это делать приходится. Заодно можно и текущие мелочи обсудить, вроде успешного завершения операции в Джамхире и того, что должно последовать за ней.

#### *Столица Орлеанин город Лутеция*

Председатель суда с отвращением взглянул на лежащий перед ним лист бумаги и стал зачитывать приговор:

«...Признать в качестве смягчающих обстоятельств безупречную службу обвиняемого, а также то, что своими действиями он не нанёс ущерба ни армии, ни государству. С их учётом назначить обвиняемому десять лет тюрьмы условно с увольнением из рядов вооружённых сил без права ношения формы и пенсии...»

## Часть 2

### 3920 год от Второго пришествия Экзепра

#### Глава 5

*Народный Союз, республика Вендия, база небесного флота на острове Теврос*

Представительская яхта министерства обороны размерами не уступала тяжёлому крейсеру, а казне Народного Союза обошлась даже дороже. Покинув обычную стоянку в дальнем углу базы, она вальяжно расположилась в центре взлетного поля, готовая принять гостей. В отличие от матовых боков боевых кораблей, голубая глянцева краска сверкала в утреннем свете Отца и Матери столь ярко, что шофёры подкатывавших к трапу автомобилей видели сияющую красавицу издалека и не блуждали.

Рядом с генеральскими и адмиральскими авто такси смотрелось, как потрёпанный воробышка в стае надутых голубей. Однако выскочивший из него пассажир этим нимало не смущался. Он взлетел наверх так лихо, что дежуривший на входе матрос едва успел его перехватить.

– Простите... Вы приглашены?

– Пропустите! – замахала с террасы между входом и трапом импозантная дама в коричневом платье. Возле неё оперлась на балюстраду совсем юная блондинка в сиреновом, но мать и рядом с ней была ещё куда как хороша. И явно знала редактора популярной газеты «Рассвет», хотя раньше они точно не встречались. Журналист почтительно склонился к руке, стал судорожно вспоминать, к чьей именно, но проблема решилась сама собой: рядом воздвиглась фигура в белой парадной форме небесного флота.

– Папа! Тут с мамой кто-то любезничает! – наябедничала девица.

– Отставить панику! – громыхнул могучий бас вице-адмирала Доневица. – Ему по должности положено! Здорово, паук златопёрый!

Услышав столь странное приветствие, блондинка удивлённо подняла брови, но отец, ничего не замечая, продолжал:

– Моя жена Радмила и дочь Лада. А это, если кто не знает, Радое Нишич – самый ненормальный писака во всём Союзе. Представьте: он ещё два года торчал на Джалне после того, как наши оттуда драпанули, и сегодня приехал посмотреть, как десять лет спустя мы празднуем... – флотоводец замялся, слово «празднуем» явно не подходило: – Как мы собрались здесь, чтобы вспомнить... – Он снова задумался. – Чтобы со скорбью вспомнить... Где моя шпаргалка?!

– Ты так и не выучил свою речь! – с укором воскликнула жена.

– Выучишь тут... Сама бы попробовала!

– Папа не может говорить такими словами. Они же не по уставу! – сурово отчеканила девушка.

Радое с интересом посмотрел на неё. Ох, хороша! Одни глаза цвета облачного неба чего стоят... Ухлёстывать журналист не собирался, но не восхититься не мог. И явно не глупа!

– Лада, как не стыдно! – проворчала мать, впрочем, скорей по обязанности. Обернулась к мужу, доставая из сумочки бумаги: – Вот она! В прихожей забыл!

– Правильно мыслишь, дочь, – одобрил отец и с отвращением потряс в воздухе злосчастной речью. – Военный должен даже думать по уставу. А здесь: «со скорбью вспомнить... позор несмываем... мучения священны». Кто писал эту ахинею?

– Политическое управление флота, вестимо, – отозвался осведомлённый Нишич. – Мне говорили, там теперь бывший политвоспитатель с «Зари Свободы» окопался. Узнаю стиль!

Тогда он пел, что драп от Джалны – истинная государственная мудрость, у товарища Хрноевича есть очень хитрый план, и мы скоро вернёмся и всех победим! Ему, как участнику похода, и перо в лапы. . .

– Вот блядь мордатая! – упомянутого политвошака Доневи́ч знал и потому не удивился.

– Боривой! – возмущённо встряла Радмила. – Тебя же люди слышат!

– А то люди этих слов не знают! – отмахнулся муж.

И получил коварный бортовой залп от любимого дитяти.

– Папа, фи! – надула губки девушка. – Ты-то ладно, а что обо мне подумают?

– А что подумают? Что ты моя дочка!

– Ты сам говорил, что женщина не должна позволять мужчинам непристойно выражаться в её присутствии!

– Я говорил?

Доневи́ч озадаченно насупился. Может, и ляпнул когда, а девочка запомнила. Поди пойми, что и когда западёт в голову детям.

– Говорил-говорил! – злорадно напомнила супруга. – И ещё добавил, мол, сперва разрешишь, потом, слово за слово, и сама выражаться начнёшь. . .

– Как ты, когда в кухне одна? – невинно заметило дитяtko.

Нишич от души наслаждался милой семейной перепалкой, но тут к ним подкатилась низенькая дамочка в тёмно-зелёном. Одной рукой она придерживала шляпку, другой с отвращением тыкала пальцем в трап. Журналист узнал её – ёще бы не узнать! Женщина не сходила с газетных страниц со времён его школьной юности. Свою карьеру она сделала в Революционном союзе молодёжи, получив там кличку «Лиляна два стакана».

С председательской должности разменявшую пятый десяток Лилянy удалось убрать лишь после того, как фото открытия очередного съезда попало на страницы зарубежных газет с ехидными комментариями. Кругленькая тётушка со старательно завитыми поредевшими волосиками смотрелась во главе рослых парней и длинноногих прелестниц, как свинка в оленьем стаде.

Доработав до пенсии в министерстве культуры, Лиляна до сих пор не утратила боевого задора. Сейчас она одной рукой придерживала сдуваемую ветром шляпку, а другой с возмущением тыкала в трап.

– Рада! Ты всё же её пригласила?! На официальное мероприятие?!!

Журналист посмотрел в направлении указующего перста и восхищённо присвистнул.

– Ого! – слегка растерялся вице-адмирал. – Это и есть наша культурная программа?

От огромного сияющего лимузина к трапу летящим шагом неслась красотка с изящной сумочкой через плечо. За ней поспешала немолодая женщина с чехлом для одежды. Замыкал процессию матрос, скособо́чившийся под тяжестью дорогого кожаного саквояжа. Скромный синий плащ скрывал фигуру гостыи, но офицеры флотов и Союза, и Лиги, равно как и журналисты всех газет, прекрасно знали, кому принадлежало прелестное, хотя и чуть грубоватое личико под роскошной гривой смоляных волос, и какая фигура прячется под одеждой.

– Ты видишь? – обличающе ткнула перстом Лиляна. – И такой окажется реакция всех мужчин, будь уверена!

– Зато успех обеспечен! – засмеялся Радо. – Что бы она ни пела, такое искусство найдет отклик в сердцах публики!

– И если не в сердцах, то кое-где ещё! – громыхнул Доневи́ч.

– Замолчи! – тихо рявкнула супруга. – А что до отклика, так ты, дорогуша, похоже, забыла, что случилось в прошлый раз с твоими артистами?!!

Недавний конфуз с фольклорным ансамблем «Таваложские поселяне» стал уже легендой. Прибыв на концерт, посвящённый Дню небесного флота, осанистые бородачи в алых рубахах и бойкие молодки в таких же сарафанах задорно пели о любви к родным полям и партизанским

лесам, но в перерыве перед вторым отделением случилось страшное. Одна из устроительниц праздника обнаружила в гримёрке солистки упившегося в хлам мужа. Генеральские штаны с лампасами были бесстыдно спущены, зато юбка красотки, напротив, красноречиво задрана.

Озверевшая генеральша грохнула благоверного по макушке подвернувшейся под руку бутылкой, а когда тот свалился ей под ноги, с визгом вцепилась в патлы развратницы. Поскольку бутылка давно опустела, блудливый военачальник даже сотрясения мозга не получил. На пол же он рухнул исключительно по причине употреблённого алкоголя, ибо стоять мог, только опираясь на предмет страсти. «Поселянка» тоже не пострадала. Ревнивая супруга лишь отодрала ей накладную косу вместе со шлычкой, после чего улетела от собственного рывка к двери и разнесла задом невинный туалетный столик.

Лиляна вспомнила «прошлый раз» и подвела, но её озабоченная свиная физиономия все равно выражала глубокое сомнение. Венцелина Лесковац была не сильно старше Лады, однако уже имела громкий успех и столь же громкую скандальную славу. Не только в Орлеании, где будущая звезда появилась на свет в семье вендских эмигрантов, но и по всем планетам Лиги мирного неба, а в последнее время и Народного Союза.

Бульварные листки со смаком описывали её загулы и составляли списки любовников, особо отмечая печальный конец некоторых из них. Предпоследнего застрелили на ступенях орлеанского Верховного суда. Почтенного коммерсанта в третий раз и окончательно объявили непричастным к ограблению банка Lutecia Credit и убийству пары слишком усердных охранников, но кто-то, так и оставшийся неизвестным, решительно опротестовал приговор.

Зато со смертью следующего воздыхателя у любителей светских сплетен сомнений не имелось. Фруктового олигарха прикончили во время пиратского налёта на его прогулочную яхту как раз тогда, когда там проходил показ новой ювелирной коллекции. Вместе с ней с борта яхты исчезла и Венцелина. Через неделю прекрасную заложницу высадили в Либерталии. Её шейку украшал бриллиант, бывший жемчужиной показа, а на счет хозяина салона легла его полная стоимость. «Подарил за беспокойство», – скромно сообщила дива. И с тех пор ни один писака так и не выяснил, кто её новый любовник. Налётчиками командовал легендарный капитан Арклан, так что ясно, какие слухи ползли. Венцелина ничего не подтверждала и не опровергала – ещё бы, такая реклама!

– Я лично с ней встречалась и подписала контракт, – тем временем втолковывала Радмила. – Песни из нашего списка в первом отделении и несколько самых приличных из её репертуара во втором. Костюм – чёрное закрытое платье...

– С вырезом на спине ниже талии? – не вмешаться в разговор о тряпках Лада не могла принципиально.

– Нет! Никаких вырезов. Ни на спине, ни на груди, ни на бёдрах. И длина ниже колена! – отчеканила мать. Испепелила нахальное чадо свирепым взглядом и продолжила рассказ о переговорах. – Гонорар её устроил, и мы ещё на транспортных расходах сэкономили. Она как раз гастроли в Светлоградово завершает. Кстати, очень милая девочка оказалась. Извинялась, что из-за простуды принимает меня в гостиничном номере. Такая скромная, глазки в пол...

– Всё равно не стоило... – пробурчала борчиха за нравственность. – Вот мы в её годы...

Радмила молча возвела глаза к небу, а Нишич еле удержался от хохота. Рассказы о похождениях ревсомольской верхушки могли заставить покраснеть даже привычных к любым капризам клиентов, потаскушек Лютеции.

– Я слышал, что ожидают и другие зарубежные гости... – Журналист попытался вернуть разговор в светское русло.

– Есть такое. Приедут потомки вендских эмигрантов. Будет даже великий князь, внучатый племянник последнего императора! – гордо заявил адмирал с интонациями охотника, хвастающегося перед друзьями особо породистым легавым кобелем. – Между прочим, первый визит на Родину члена царской семьи после падения монархии!

– Сколько же ему лет?!

– Недавно стукнуло восемьдесят, но, говорят, выглядит явно моложе. Кстати, правильно говорят!

Нишич обернулся. Внучатый племянник и вправду поднимался по трапу весьма бодро. Смотрелся он истинным князем. Актёры не раз пытались играть в кино таких, но всегда чего-то не хватало. Как и сопровождающему высокого во всех смыслах гостя блондину в форме капитана II ранга не хватало чего-то, чтобы выглядеть настоящим офицером. Вроде всё при нём, но выражение лица – словно у лакея, пойманного за распитием барского вина.

Зато князь словно вышел из модного ностальгического фильма. Гвардейского роста, подтянутый, несмотря на годы, без малейшего намека на лысину, а уж одет! Безупречный тёмно-синий костюм от известнейшего модного дома Garsonie Vormthi, белоснежный платочек в нагрудном кармашке, белоснежная же рубашка, чёрный с синим галстук с бриллиантовой булавкой в виде фамильного дракона веками правившего Вендской державой рода Караджеровичей.

Когда аристократические ноги шагнули на красный с зелёной окантовкой ковёр, флото-водец, не медля, но и без суеты, двинулся навстречу.

– Заместитель командующего небесным флотом Народного Союза по боевой подготовке вице-адмирал Доневиц! – длань в белой перчатке взметнулась к фуражке. – Ваше императорское высочество, счастливы видеть вас на борту «Победы»!

– Благодарю, – величественный старец с достоинством наклонил породистую голову, – но, господин вице-адмирал, вас ввели в заблуждение. По законам империи я, будучи внуком младшего брата последнего правящего монарха, являюсь не более чем князем императорской крови и, следовательно, просто «высочеством». Согласно же законам вашей страны, я всего лишь гражданин Орлеании Божидар Караджерович. – Затем, понизив голос почти до шёпота и чуть повернув голову в сторону учтиво отставшего капитана из ведомства политвоспитания, продолжил: – И этот гражданин просит вас о помощи. Нельзя ли куда-нибудь деликатно спровести сопровождающего меня молодого человека? Мне как гостю неудобно это делать, но пока мы сюда ехали, он несколько утомил меня коммерческими предложениями по импорту орлеанской косметики...

Оглядевшись и оценив обстановку, Доневиц, как и подобает решительному военачальнику, мгновенно перестроил план приёма:

– Предлагаю вам пройти на борт с моим другом, редактором газеты «Рассвет» Радое Нишичем, – оказывается, и адмиралы, если надо, могут говорить очень тихо. – Взлёт ровно в 14.00, приём в 16.00. С этим... капитаном я разберусь.

Князь взглянул с явным интересом и благосклонно кивнул.

– Как подписчик «Рассвета», целиком одобряю ваш выбор.

– Тогда прошу вас! – Увидев шанс взять интервью у старейшего члена царской фамилии, журналист не собирался его упускать. – Я коммерцией не интересуюсь! Зато готов исполнять обязанности адъютанта, телохранителя, экскурсовода и виночерпия.

– Ну, если и виночерпия – устоять невозможно!

Командир «Победы» числился контр-адмиралом, хотя боевые дежурства после окончания училища видел только в кинематографе. Зато принимать гостей паркетный воин умел отлично. Всяких, от бряцающих наградами и эполетами иностранных генералов до отечественных ворчливых стариков-ветеранов, от надутых финансовых шишек до суровых племенных вождей Джалны. Яхта сверкала, мерцала и благоухала чем-то приглушённо благородным и бесконечно мужественным. Средства, которыми чистили ковры и натирали полы, было величайшей тайной контр-адмирала и одним из залогов его несменяемости.

Вторым залогом являлось собрание батальной живописи, достойное любого из столичных музеев Союза и Лиги. Именно его Нишич предложил изучить почтенному визитёру. Тот с энтузиазмом согласился и не пожалел. Сюжеты, посвященные героическому прошлому, впе-

чатляли. Ну и ещё полотна, изображающие торжественные парады и визиты первых лиц Народного Союза – куда ж без них? – к защитникам родины.

Девять лет назад всех, а сейчас – за вычетом низвергнутого после позорного бегства с Джалны председателя Немани Хрноевича. После его падения из музеев мгновенно исчезли картины и копии, изображавшие общение вождя с народом на корабельных палубах, в заводских цехах и на ржаных полях. Остальных по-прежнему чтители повсеместно. И второго лидера Союза Любомира Бортича. И умершего два года назад хонорского генерала Войтеха Меткеша. И конечно, основателя Союза, пожизненного председателя Народно-Революционной партии, победителя Второй Великой войны, скромного сельского учителя, прославленного революционера и отважного партизанского командира, маршала Брезана Кордича.

Портрет нового лидера – энергичного Младо Грдамича – появился на «Победе» совсем недавно, зато сразу в трёх экземплярах. Один товарищ Младо – без пиджака, с закатанными рукавами рубашки и встопорченными волосами. Встречая делегатов от заводов и шахт, он всем своим видом призывал к работе на благо родины. Второй, уже в строгом костюме, подписывал с главами Лиги историческое соглашение о вечном мире и дружбе, чтобы навсегда оставить в прошлом кровавые войны. Третий, опять неофициальный, Грдамич запечатлен в музее современного искусства вместе со своей супругой, звездой вендского кинематографа Иридой. Длинноногая и пухлогубая красотка столь искусно размещена рядом с мужем, что несведущий зритель нипочём не догадается, что она на полголовы выше.

Полотно, размещённое в том же зале меж двух красно-зелёных знамён, напротив пиджачного портрета, удивляло своими размерами – полторы на три сажени. Оказалось, что Божидар, хоть и родился в Орлеании, знает даже фамилию художника.

– Горсмич? «Клятва у эфирной станции»? Тут?! – изумлённо застыл он перед полотном: – Нет! Конечно же, копия, глаза подвели...

– А чем они отличаются? – заинтересовался Радо.

Знаменитое творение партизанского художника копировалось несметное количество раз, но как человек, впервые узревший полотно в натуре, определил, что перед ним не подлинник?

– Что мы видим на холсте? – лукаво ответил вопросом на вопрос императорский племянник.

Газетчик полностью перешёл в ипостась экскурсовода и заговорил тоном музейной дамы:

– Как мы знаем, после подавления Весенней революции отряд Кордича ушёл в леса Северной Венды, где его и застало начало войны. Наш флот погиб в небе над Рангстаадом, семья монарха сбежала... эвакуировалась в Кандиану. Вендию, вместе с остальными планетами империи, оккупировали хинтерландцы Шендорфера. Остатки армии расплылись кто куда либо дезертировали. Кордич решил сражаться с захватчиками, разгромил вражеский гарнизон в деревне Белево и, уходя от преследования в соседний уезд, обнаружил брошенную на дороге мощную передвижную армейскую эфирную станцию. По ней он призвал к сопротивлению, провозгласил себя командующим партизанскими силами и поклялся не складывать оружия до освобождения отечества. Воззвание стали передавать по эфиру, и на листовках, и просто из уст в уста. К отряду присоединились другие революционеры, солдаты разбитых частей, крестьяне разграбленных деревень...

– Отлично! А кто написал речь вашего будущего лидера?

– Тот, кого нет ни на одной картине! Как, впрочем, и в наших учебниках...

– А вот на оригинале, в здании вашего парламента, он всё же присутствует!

Радо бывал во Дворце Народного Веча всего один раз, на школьной экскурсии, и в детали холста на второй площадке его главной лестницы не вглядывался. Неужели там и вправду нарисован сын альрамейского коммерсанта Мойзес Диликис – в юности один из ближайших соратников маршала, а в конце жизни его заклятый враг? Впрочем, почему и нет? Кордич был суров, но не чужд сентиментальности. Не арестовал Диликиса и не послал к нему убийц, а всего лишь

выслал в Орлеанию, где тот и умер. Правда, из книг и фильмов товарища Мойзеса ещё при жизни тщательно вымарали. И даже с постаментов статуи сняли – в том числе и с тех, где высланный возвышался вместе с товарищами.

– «Клятва у эфирной станции» написана до их разрыва, – продолжал тем временем Караджерович, – и даже после изгнания Диликиса он остался на полотне, сам маршал велел не трогать. Однако на копии амнистия не распространялась, и художники творили, как хотели, изображали вместо бывшего товарища то бравого партизана, то прекрасную партизанку. Или просто пень, как здесь.

Старец оказался интересным собеседником, и журналист повёл его к остальным шедеврам. Они оценили и полотно о Ледяном походе – высадке на давно покинутом, промёрзшем до самых недр ледяном Олимбисе, где повстанцы скрывались от преследующих их в лесах Вендии карателей. И внезапную атаку Кордича с Олимбиса на богатую экзеприем Тоггарею. И десант вождя на родину его матери – Хонор. И конечно, самого основателя Народного Союза в нескольких видах. Вот он в раздумьях склонился над картой, а вот отважно возглавляет атаку, отечески беседует с бойцами на привале, держит на коленях потешно насупившегося четырёхлетнего мальчонку...

– Не приходилось встречаться? – Князь указал на хмурого сына 1-й ударной бригады партизанской армии. – Кто бы мог подумать, что из такого бутуза вырастет один из самых выдающихся дипломатов нашей эпохи! Товарищ министр иностранных дел дважды чрезвычайно любезно принимал меня в посольстве, и я очень хотел повидать его во время нынешнего визита, но, увы, опоздал...

По коридорам разнеслось могучее гудение. Пол картинной галереи завибрировал.

– Взлетаем, – напомнил адъютант-виночерпий. – Сейчас сделаем круг, развернёмся и пойдем постепенно набирать высоту. Предлагаю перейти в курительную. Уверю, вы не пожалуете...

Вид из огромных иллюминаторов оказался действительно великолепен – с высоты были четко видны берега вытянутых материков – Северной и Южной Венд и островом Теврос в проливе между ними.

– В детстве, когда мы учили географию, – ностальгически улыбнулся сиятельный племянник, – он напоминал мне Отца, сплющенного между челюстями крокодила, который хотел погрузить мир в вечную ночь. Была такая сказка...

– Единственный материк Невриды тоже смотрится сверху неплохо! – подхватил Велемир. – Эдакий калач, где одна сторона толстая, вторая тонкая, а вместо дырки Пелсанское море!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.